

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Еженедѣльный, театральный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ.

II годъ изданія.

№ 18.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 4-ГО МАЯ.

1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ:

„Голубые миражи“, — поэма въ прозѣ **А. Дружининой**; „Силуеты“ — стихот. въ прозѣ **А. Гарди**; Стихотвореніе — **А. Мейснера**: „Горный потокъ“, Скала Айвазовскаго и „На высотахъ“; „Покровитель“, — разск. **В. Финити**. „Ольга“,

разск. **С. Фиделева**; „Стихотвореніе“ **Н. Черикова**; „Село Беззаботное“, — очерки **А. Еончановской**. Театръ: „Исканіе правды“, — изъ записокъ рецензента **Вл. Линскаго**; Театральная хроника. По Россіи.

Мнѣ рисовались люди въ этомъ голубомъ, бархатистомъ туманѣ угасавшаго вечера.

Люди съ голубымъ свѣтомъ глубокихъ глазъ, съ небесною невинностью въ чистыхъ взорахъ.

Мнѣ рисовались нездѣшной красоты легкія бабочки, въ воздушныхъ голубыхъ уборахъ. Бабочки шептались съ засыпающей травой, которая грезилась, отдыхая, объ этихъ легкокрылыхъ красавицахъ голубого вечера.

Мнѣ рисовался дикій, необузданный просторъ южнаго моря, зеленовато-голубого, какъ глаза русалокъ. Русалки плясали подъ свѣтомъ голубого мѣсяца и посылали ему, вѣчно любующемуся ихъ страшной красотой, пламенные, но смертельные поцѣлуи морскихъ нимфъ.

Но поцѣлуи не зажигали, и не сжигали ихъ рыцаря, потому что онъ былъ одинъ и вѣченъ.

Вѣченъ, какъ голубое море, какъ голубой туманъ, какъ глаза зеленоволосыхъ красавицъ.

Въ этомъ была его сила и его мѣсть. Мѣсть за наслажденія, которыя давалъ и которыя не получалъ самъ.

Потому что онъ былъ далекъ, безумно далекъ отъ потрясающей людской страсти.

Страсти людей съ голубымъ свѣтомъ во взорахъ.

Онъ не могъ примирить непримиримаго и таинственно, и мрачно сверкалъ своимъ голубымъ серпомъ.

Иногда онъ закутывался въ облака, обрушиваясь безмолвнымъ гнѣвомъ на потворщицу, прекрасную потворщицу всего страннаго и чарующе-безумнаго, голубую ночь.

И тогда богиня любви роняла на безумную землю свои алмазные слезы, которыя разсыпались каскадомъ печальныхъ падучихъ звѣздъ.

Потому что она втайнѣ и нераздѣленно любила голубой мѣсяцъ, и жутость, и страшнѣе былъ для нея его царственный гнѣвъ.

А внизу на безумной землѣ, люди продолжали любить и безумствовать.

Люди съ голубыми взорами чистыхъ глазъ, и люди съ глазами, похожими на обитательницъ морскихъ

нѣдръ. Всѣ любили и ликовали и танцевали свой страшный танецъ.

Танецъ медленнаго самоумерщвления и разгула.

А въ голубыхъ тонахъ нарождающагося утра блѣдно-голубыми цвѣтами рѣяли въ воздухѣ легкокрылыя бабочки.

Онѣ тоже танцевали свой танецъ, но танецъ, сочиненный здоровымъ ароматомъ свѣжаго утра.

Бабочки искали своихъ мотыльковъ и, пролетая среди проснувшихся цвѣтовъ, нѣжно позванивали своими воздушными крылышками.

Онѣ несли съ собой красоту, дѣвственную красоту дѣвственницъ. И застигнутые ими: безумные люди съ торопливой поспѣшностью оставляли свои ночныя пиршества.

А въ воздухѣ уже вѣяла чистая бѣлизна чистаго дня.

Голубое море плескалось голубыми волнами и чистыми поцѣлуями ласкало свои берега.

И мнѣ снова рисовались люди съ голубымъ свѣтомъ глубокихъ глазъ, съ небесною невинностью въ чистыхъ взорахъ.

А. Дружинина.

— Это не прежнія, не тѣ интонаціи—сказалъ онъ. Скажи, повтори опять мое имя, скажи такъ, чтобы попрежнему затрепетало мое сердце

И она, всегда очаровательная, и очаровывающая каждымъ своимъ словомъ, каждымъ движеніемъ, смотрѣла теперь на него какимъ то не своимъ, чужимъ взглядомъ, въ то время, какъ прелестныя губки членораздѣльно и старательно-нѣжно выговаривали знакомое имя.

„Нѣтъ той прежней нотки въ звукъ дорогого имени. Нѣтъ... Онъ самъ почувствовалъ вдругъ всю фальшь своей ласки. Нѣтъ, она не можетъ, она не въ состояніи вылить въ этомъ коротенькомъ словечкѣ все море своей тогдашней любви. Тогдашней... почему тогдашней?—поймала вдругъ себя на этоймысли молодая женщина. Какъ, неужели умерла—любовь. Умерла такъ же неожиданно, и страшно, и жутко, какъ пришла... Но тогда.. тогда было хорошо—страшно. А теперь... теперь просто страшно, страшно отъ призраковъ. Перестать любить, не любить больше,—значить умереть. Да, нѣтъ, я грежу, это сонъ все,—и пышная, полная красоты и нѣги, фигура молодой женщины стремительно повернулась къ низкому турецкому диванчику, на которомъ, словно въ полузабытѣи, сидѣлъ ея милый другъ, ея счастье, свѣтъ, радость, рабъ и хозяинъ въ одно и тоже время. Но въ темныхъ, какихъ-то бездонныхъ глазахъ, тоже не читалось еще недавней такой упоительной поэмы любви. Онъ смотрѣлъ какимъ-то безразличнымъ взглядомъ на свой нѣжный цвѣтокъ, какъ называлъ онъ это удивительно женское созданье, полное контрастовъ, какого-то всегда внутренняго движенія (отъ котораго у него сладко замирало въ груди и кружилась голова), и въ то же время восточно-лѣтнее, съ бархатными движеніями своего роскошнаго, пластическаго тѣла, всегда прелестное и чарующее, какъ сказка.

Но, прислушиваясь теперь къ сказкамъ этихъ волшебныхъ глазъ, онъ не рисовалъ въ своемъ воображеніи той вереницы плѣнительныхъ грезъ, тайной которыхъ она такъ властно царила надъ нимъ. Въ синеватыхъ тонахъ уютнаго гнѣздыш-

ка не склонялось уже надъ ними прежняго, поительнаго тумана, жгучаго, сладкаго, прелестнаго, какъ мечта.

А непрощенный, чужой рой чужихъ мыслей кружилъ надъ ихъ бѣдными головами воспоминанія, картина за картиной. И анализъ, котораго оба они такъ боялись, мрачный и непреклонный, какъ кредиторъ, всталъ передъ молодой четой во всемъ своемъ ужасающемъ реализмѣ.

Она—цвѣтокъ его жизни. Жизнь цвѣтка ушла, и въ немъ не стало аромата. Ушла любовь, и, значитъ, жить нечѣмъ. „Да, нѣтъ-же, есть любовь“—почти вскрикнула молодая женщина, съ ужасомъ предчувствуя гибель своей любви — „Я не хочу, не дамъ ей погибнуть“. Она какъ то сползла со своего длиннаго кресла и теперь почти лежала у него на рукахъ. Холодные пальчики сжимали горячіе виски, а глаза глядѣли въ другіе дорогіе глаза, какъ бы моля объ опорѣ. „Левуш-

ка“—почти простонала эта женщина-ребенокъ, не справляясь больше со зловѣщимъ штилемъ—„пожалѣй, полюби меня снова... Левушка, Левикъ мой“... Нѣжныя, упругія, какъ сталь, тихія, какъ шорохъ травы, полились настоящія рѣчи. Словно гиря упала съ сердца, помолодѣло, забилося въ груди. Что это, опять онъ прежній, чарующій туманъ... Сдвинулись стѣны, ушли нарушителе-демоны.

И вдругъ сказалось прежней, совсѣмъ прежней ноткой милое имя. Какъ это вышло—она не знала. Дрогнуло мужское сердце. Маленькое, крохотное словечко взяло его сильнаго, властнаго, непокорнаго. Горячая волна страсти застала темные, прекрасные глаза мужчины. И сжимая въ своихъ объятіяхъ молодую женщину, между страстными поцѣлуями, теперь уже онъ говорилъ ей: «Не говори, о, не говори этими звуками, а то я умру отъ счастья. Не говори“...

А. Гарди.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

(КРЫМСКІЕ МОТИВЫ).

ГОРНЫЙ ПОТОКЪ.

Вонъ, разливаясь пѣснью дальною
Въ горахъ, равнинахъ и въ лѣсу,
Спадаетъ съ кручъ рѣкой хрустальной

Золотогривый Учанъ-Су.

Шумя, летитъ потокъ нагорный
Съ высотъ, гдѣ вѣчные снѣга,
И, въ дань землѣ, на камень черный
Свои онъ сыплеть жемчуга.

То залить солнцемъ, то луною,
Встрѣчая свѣтъ, встрѣчая мглу,
Своей всклокоченной волною
И бьетъ, и моетъ онъ скалу.
Руководитъ имъ воля Божья.
Поетъ онъ гимны красотѣ.

Его могила—у подножья,
А колыбель—на высотѣ.

СКАЛА АЙВАЗОВСКАГО.

Всѣ краски моря, уступовъ тѣни,
Весь Крымъ тобою былъ отраженъ.
Вѣнчало море твой свѣтлый геній,
Качало море твой тихій сонъ.

Сынъ моря, морю служилъ ты вѣчно.
На полотнѣ ты—рождаешь волну.
У волнъ ты мыслилъ, дремалъ без-
печно,

Ловилъ и бурю, и тишину.
Скала восторговъ и вдохновеній...
На ней творилъ ты, въ прибой
влюбленъ.

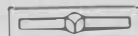
Вѣнчало море твой ясный геній,
Качало море твой мирный сонъ.

НА ВЫСОТАХЪ.

Я одинокъ—въ толпѣ средь шума,
А въ тишинѣ я не одинъ.
Молитва зрѣетъ, зрѣетъ дума,
И я иду въ туманъ вершинъ.
Со мною въ тайномъ разговорѣ
Все: холмъ, ущелье и оврагъ,
И ты, рокошное море,
И ты, безмолвный Чатырь-Дагъ.

А. Мейснеръ.

Покровитель.

РАЗСКАЗЪ.
(Продолженіе).

— Здравствуйте, Елизавета Дмитріевна. Вотъ вы какъ—къ вамъ гости, а вы изъ дому!..

— Петръ Николаевич!.. Здравствуйте!.. Я ждала васъ и не только сегодня, а со вторника каждый день,—проговорила Елизавета Дмитріевна, пожимая руку красиво-му брюнету съ мефистофельской бородкой и пэнснэ на носу. „Пойдемте ко мнѣ... Я такъ васъ ждала!.. Пойдемте!..“—еще разъ повторила Елизавета Дмитріевна, плохо сдерживая нахлынувшую на нее радость.

— Пойдемте къ вамъ и тамъ я объясню, почему я быть не могъ у васъ во вторникъ — нараспѣвъ проговорилъ бѣлыми стихами Петръ Николаевичъ и, взявъ ее подъ руку, повернулъ обратно.

II.

Елизавета Дмитріевна Лирская пріѣхала въ Петербургъ изъ К., гдѣ она окончила музыкальную школу по классу пѣнія; пріѣхала для того, чтобы доучиться, а потомъ вступить на путь извѣстности и славы. Ничего нельзя прибавить новаго къ тому, что уже написано о „розовыхъ мечтахъ“, „надеждахъ“, „твердыхъ намѣреніяхъ“, и т. п., съ которыми пріѣзжаютъ въ Петербургъ молодыя силы провинціи, нелишенные иногда и таланта и силы характера. Про Елизавету Дмитріевну можно сказать, что она пріѣхала сюда со всѣмъ этимъ вмѣстѣ взятымъ.

Про ея голосъ ей говорили много хорошаго и въ школѣ и дома. Всѣ находили его превосходнымъ, достойнымъ Императорской сцены и сулили въ будущемъ всемірную извѣстность. Совѣтовали немедленно отправляться въ Петербургъ и поступить въ консерваторію, гдѣ ее „навѣрно примутъ на казенный счетъ“, а нѣкоторые добродушные простаки прямо говорили: „Да вы, Елизавета Дмитріевна, пойдите къ директору Императорскихъ театровъ и спойте ему „Письмо Татьяны“—безъ всякихъ консерваторій въ Маріинскій театръ контрактъ подпишите“.

Елизавета Дмитріевна слушала всѣ эти панегирики, отъ которыхъ ей дѣлалось такъ хорошо на душѣ, и такъ пріятно ласкали ея слухъ, но понимала, что ей далеко еще не только до контракта въ Маріинскій, но даже и до консерваторіи, т. к. знала, что средствъ для консерваторіи ей негдѣ было взять, а въ „казенный счетъ“ она плохо вѣрила, т. к. тоже знала, что голосъ ея недостаточно окрѣпъ, постановка была слабая и, если имъ восхищались, то благодаря ея пріятному тембру, интонаціи и

чувству въ связи съ хорошенькимъ личикомъ и фигуркой. Но въ консерваторіи она рѣшила быть и добиться этого во чтобы то ни стало. Тѣ матеріальныя средства, на которыя она могла рассчитывать, были скопленные ею 50 рублей и 35 рублей ежемѣсячныхъ, обѣщанные отцомъ.

Отлично понимала Елизавета Дмитріевна, что на эти средства нельзя даже прожить, не нуждаясь въ Петербургѣ, но у нея была надежда поступить, если не въ оперетку на вторыя роли, то хотя въ хоръ оперы. „Этимъ я пріучусь къ сценѣ и поддержка матеріальная будетъ—не пропаду“—думалось ей.

Собравъ свой несложный гардеробъ и очень сложную коллекцію нотъ, она выѣхала въ Петербургъ, какъ я уже сказалъ, полна „надеждъ и упованій“.

Первымъ дѣломъ Елизаветы Дмитріевны по пріѣздѣ въ столицу и нанявши комнату за 18 рублей въ отдаленномъ концѣ Екатерининскаго канала, было взятіе на прокатъ піанино. Съ какимъ то благоговѣніемъ установила она его въ своей комнаткѣ и первая пѣснь, спѣтая подъ его аккомпаниментъ, была „Смѣло братья, вѣтромъ полнымъ“...

Прошелъ мѣсяцъ. Елизавета Дмитріевна въ консерваторію не поступила. Всѣ ея надежды на матеріальную поддержку рухнули. Нигдѣ—ничего. Эти два страшныя слова не минули и ее, не минули потому, что и у нея, какъ у многихъ другихъ было все, кромѣ средствъ и протекціи. Хоры оперъ были переполнены.

Много страданій нравственныхъ, никогда не испытанныхъ ощущеній пришлось пережить Елизаветѣ Дмитріевнѣ въ исканіи ангажемента въ оперетку. Много слышанныхъ словъ—она услышала тамъ и цѣлый рядъ вопросовъ жизни опереточныхъ кулисъ, никогда не подозревавшихъ ея, предстали предъ ней во всемъ своемъ грязномъ могуществѣ. Вездѣ, куда она ни приходила съ предложеніемъ принять ее въ труппу, ее сначала детально осматривали такимъ вездѣ всепроницающимъ взглядомъ, отъ котораго Елизавета Дмитріевна невольно чувствовала смущеніе и даже обиду. Затѣмъ, вездѣ ей задавали одни и тѣ же съ небольшими варіаціями вопросы: „Гдѣ вы раньше служили? Какія партіи вамъ больше знакомы? Хорошо ли танцуете? Имѣете ли приличный гардеробъ? И наконецъ: Кто вамъ протежируетъ? Или: Кто вашъ покровитель?“. Этого послѣдняго вопроса Елизавета Дмитріевна не могла по-

нять, не могла примириться съ нимъ, но онъ вездѣ задавался ей неумолимо, былъ для нея Сезамомъ, отворить который она не могла.

Ею вездѣ оставались довольны въ смыслѣ голоса и, конечно, наружности, но все-таки у нея не было покровителя, не было приличнаго гардероба, не было обширнаго знакомства и... не было, ergo, свободной вакансіи въ труппѣ.

Было еще одно средство попасть въ труппу, даже безъ покровителя—нужно было снискать расположеніе одного изъ столповъ антрепризы,—въ одной антрепренера, въ другой режиссера, въ третьей премьера, но и это средство было отвергнуто Елизаветой Дмитріевной съ негодованіемъ.

— Милая вы моя барышня, птичка залетная!—обратился къ ней однажды послѣ приѣма у антрепренера старикъ-комикъ той оперетки, „Ничего вы такъ не подѣлаете. Добудьте ка вы себѣ одного баранчика, такого, чтобы у насъ вечеровъ семь подрядъ ложу литературную купилъ, да по букету примадоннамъ нашимъ преподнесъ — вотъ вы и на сцену попадете, а тамъ и успѣха достигните. Болото вѣдь наши подмостки опереточные, а чтобы не увязнуть въ немъ—кочка подъ ножку твердая нужна, вотъ вы и найдите эту кочку то,—барашка золоторуннаго. Такъ то...

Со слезами на глазахъ слушала Елизавета Дмитріевна эти слова старика и, придя домой, долго, мучительно раздумывала надъ ними.

— Кочка подъ ножку нужна... кочка... кочка...—Молотомъ стучало у нея въ голову—Найти нужно ее... золоторуннаго... А что нужно для того, чтобы найти? Нужно пустякъ для него, для „золоторуннаго“ и все для нея... Отдать все и получить... получить можетъ быть тоже все, къ чему она такъ стремится, что составляетъ для нея все въ жизни, а можетъ быть получить—ничего, кромѣ позора, униженія и пустоты душевной...

Положеніе было трагическое. Давно исчезли скопленные деньги, присылаемыхъ не хватало: за одно піанино Лирская уплачивала 10 рублей въ мѣсяцъ. Приходилось существовать на семь рублей. Она часто не обѣдала, а если и обѣдала, то въ кухмистерской за четвертакъ, но и это ей было въ тягость. Она почти голодала. Износилась страшно, и скоро долженъ былъ наступить тотъ день, когда она должна будетъ себѣ сказать: „Мнѣ не въ чемъ выйти на улицу“. Помощи ждать было не откуда.

Все это прошло въ умѣ Елизаветы Дмитриевны болѣзненно ярко и выпукло и, какъ кошмаръ, сдавило ей горло. Страхъ, холодный страхъ охватилъ ее, стучало въ вискахъ и неумолимо било молотомъ: „Кочка.. кочка... подъ ножку кочку“...

Дня четыре не выходила Елизавета Дмитриевна изъ дому, раздумывая свою горькую думу, перебирая въ умѣ все пережитое въ этотъ мѣсяцъ, ища выхода изъ того положенія, въ которомъ она очутилась.

Ея мечты не осуществились; талантъ ея долженъ погибнуть, не распустившись, и изъ за чего? изъ за того, что у нея нѣтъ склонности къ тому, что помогло многимъ выдвинуть себя, нѣтъ склонности къ флирту, къ легкому разврату.

Ея голосъ, въ который она была сама влюблена, не разовьется, его никто не услышитъ въ хорошей партіи, имъ никто не будетъ наслаждаться, а это было счастьемъ ея жизни, всею цѣлью ея: — сознать, что доставляешь своимъ пѣніемъ наслажденіе другимъ.

„Ты погибнешь, тебя не услышатъ и ты не узнаешь счастья славы, счастья восторга тобой“, шепталъ ей какой то голосъ. „Ты поступишь въ контору писцомъ или сельской учительницей, поѣдешь въ глушь; застрянешь на цыганскихъ романсахъ и будешь ими плѣнять слухъ батюшки и волостного писаря. И только одно можетъ спасти тебя—твоя красота, если ты позволишь любоваться ею осязательно, твоя, ключемъ бьющая, молодость, если ты позволишь отпить изъ нея немного. Вотъ все, и за это... достигнутый идеаль“!..

Эта мысль, наконецъ, взяла верхъ надъ всѣми и Елизавета Дмитриевна рѣшила попросить того же старика-комика, Арсенія Ивановича Двинскаго, познакомить ее съ кѣмъ-нибудь изъ „барановъ“.

„Да вы не бойтесь, моя милая“, успокаивалъ ее добрый старикъ. „Вы посмѣлѣй будьте, да повеселѣе; за носъ водите подольше, пока путнаго чего не добьетесь, а тамъ еще большій носъ натяните. Не показывайте себя недоступной, недотрогой, но себя соблюдайте, ой, соблюдайте, не удержитесь—все потеряете, всю цѣнность въ ихъ глазахъ пакостныхъ упустите“.

Въ тотъ день, часовъ въ семь вечера въ дверь комнаты Елизаветы Дмитриевны раздался стукъ. „Войдите!“ удивленно крикнула она.

На порогѣ показалась тучная фигура въ черной николаевской шинели и цилиндрѣ.

— „Елизавета Дмитриевна Лирская?“ вопросительно проговорила, слегка хриплымъ голосомъ, фигура.

— „Да, это я“.

— „Очень пріятно. Николай Ивановичъ Терехинъ. Мнѣ нашъ общій знакомый Арсеній Ивановичъ Двинскій говорилъ про васъ, объяснилъ мнѣ ваше положеніе и желанія и вотъ я осмѣлился явиться къ вамъ лично и, чѣмъ въ силахъ буду, готовъ служить“.

— „Благодарю васъ,—раздѣвайтесь, пожалуйста“, дрогнувшимъ голосомъ проговорила Елизавета Дмитриевна. „Кочка“... мелькнуло въ ея умѣ.

Пришедшій снялъ шинель, положилъ на піанино цилиндръ и остановился среди комнаты, оглядывая ее довольно безцеремоннымъ взглядомъ. Это былъ высокаго роста полный блондинъ, лѣтъ тридцати восьми, съ круглымъ лицомъ, обрамленнымъ жидкими русыми волосами. Плотную фигуру облегалъ, сшитый хорошимъ портнымъ, смокингъ, въ модномъ галстухѣ ярко горѣлъ громадный солитеръ; на пухлыхъ красныхъ рукахъ блистало ихъ нѣсколько въ перемежку съ рубинами и сафирами.

— „Садитесь, пожалуйста“, обратилась къ своему гостю Елизавета Дмитриевна.

Николай Ивановичъ грузно сѣлъ на предложенный ему стулъ и перевелъ свой безцеремонный взглядъ съ обстановки комнаты на ея хозяйку. Здѣсь этотъ взглядъ нашелъ, вѣроятно, болѣе пріятное, т. к. маленькіе глазки Николая Ивановича, слегка подернувшись, какъ говорятъ, маслицемъ, сдѣлались какъ бы стеклянными, остановившись на хорошенькой фигуркѣ Елизаветы Дмитриевны.

— „Вы собираетесь поступить въ оперетку?“ первый нарушилъ молчаніе Терехинъ.

— „Нѣтъ, я въ оперетку не хочу. Я хотѣла поступить въ консерваторію... у меня голосъ не для оперетки... но средствъ для консерваторіи у меня нѣтъ и вотъ я думала... хотѣла поступить въ оперетку, чтобы имѣть матеріальную поддержку“, взволнованнымъ, какъ отъ неожиданнаго визита, такъ и отъ взгляда гостя, голосомъ проговорила Елизавета Дмитриевна.

— „Д-а-а“!.. протянулъ гость. „Вы знаете, много теперь есть молодыхъ силъ, которымъ трудно пробить себѣ дорогу, въ особенности однимъ, самостоятельно. Молодежь все на себя только надѣется. Такая полоса, знать, пошла „самостоятельности“. А смотришь, сколько изъ за этого талантовъ погибаетъ—жаль становится. Все чуждаются. Нѣтъ, знаете, общности, чтоли, чтобы это, такъ сказать, сообща, въ весельи. Да вы знаете, повысилъ голосъ Терехинъ, весельемъ теперь все добывается и слава, и положеніе, и деньги. Ей Богу. Вотъ посмотришь: съ однимъ за бутылочкой посидѣлъ, съ другимъ въ театръ или маскарадъ съѣздили, съ тѣмъ да съ этимъ познакомился—а тутъ тебѣ протекція, а тамъ подрядъ тепленькій заполучилъ, а тамъ, смотришь, и другу-пріятелю, уже отъ себя мѣстечко въ департаментъ устроилъ. Тоже самое и съ вашей сестрой—актрисой. Озеркову знаете? Видѣли, какими буквами „наша талантливая примадонна“ написано? А чѣмъ достигла? Какъ дошла?—Веселостью да привѣтливостью; на короткую ногу съ нужнымъ человѣкомъ становилась, лаской донимала. А еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ вы, была,—чуть ли босикомъ не ходила. Однако, простите, я, кажется,

цѣлую лекцію вамъ читать собрался и скуку на васъ нагоняю. Да вы и сами отлично понимать это должны“.

— „Нѣтъ, ничего, пожалуйста“, очнулась Елизавета Дмитриевна, слушавшая все время гостя съ сжатыми до боли зубами. „Я такъ мало знаю жизнь и ея правила. Мнѣ даже интересно поближе познакомиться съ ними“...

— „Ну, вотъ, и отлично. Только всѣ эти правила практически проходить нужно. Теоріи въ жизни не должно быть. Теорія—для кабинетныхъ ученыхъ и старыхъ дѣвъ, а не для васъ, обладающей всѣми прелестями жизни: и младостью, и красотой... Ну вотъ, ну вотъ! Глазки вспыхнули! А за что? За правду. Ложный стыдъ и ложный гнѣвъ. Вѣдь вамъ пріятно должно быть это, а вы сейчасъ вспыхнули. Сердитесь?“

— „Нѣтъ, что вы!“ съ искривленной улыбкой отвѣтила Елизавета Дмитриевна. „За что я буду сердиться?.. Чаю не хотите?“ предложила она.

— „Благодарю васъ. Мнѣ пора. Нужно на „Премьеръ“ въ Маломъ побывать, а завтра, если позволите, я къ вамъ, часовъ въ 8 вечера, заѣду и въ Буффъ покатаюсь; ложу я ужъ взялъ.“

— „Съ вами?.. Въ Буффъ?.. Зачѣмъ?“

— „Со мною, въ Буффъ... А зачѣмъ? Затѣмъ, что вамъ нужно къ людямъ привыкать, вѣдь съ людьми жить, и оперетку вамъ не мѣшаетъ послушать, самой развлечься. Или вамъ, можетъ быть, непріятно со мной?“

— „Какой вы смѣшной“, невольно вдругъ вырвалось у Елизаветы Дмитриевны, вмѣстѣ со смѣхомъ. Почему же мнѣ можетъ быть непріятно съ вами. Я съ удовольствіемъ поѣду.

— „Вотъ за это благодарю, за этотъ смѣхъ вашъ здоровый. Досвиданія. Такъ я заѣду“, сладко хихикая, проговорилъ Терехинъ, громко цѣлуя обѣ руки Елизаветы Дмитриевны. „Такъ я заѣду“.

— „Заѣзжайте. Благодарю васъ, я съ удовольствіемъ“, слегка пошатываясь, говорила Елизавета Дмитриевна, провожая гостя.

Когда дверь захлопнулась, и громкіе шаги Терехина замерли на лѣстницѣ, Елизавета Дмитриевна повела рукой по лбу, подошла къ піанино и, опустившись на стоящій возлѣ него стулъ, застыла въ какомъ то тупомъ оцѣпенѣніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Финити.

ОЛЬГА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Всякій разъ, послѣ встрѣчи съ Ольгой, Красовъ чувствовалъ, какъ въ мозгу у него копошится что то большое и неуклюжее. Острая мысль трепетала въ головѣ, и точно птичка въ клѣткѣ, рвалась наружу. Порой разсыпалась по всему тѣлу, сладкой истомой сковывала члены, неудовлетворенной жаждой зажигала глаза. Потомъ утихала. Возвращалась назадъ. Стучалась въ мозгъ.

— Какая странная и... обаятельная!—скользило гдѣ-то далеко по мыслямъ и чувствовалось, что это правда, что она, эта дѣвушка, дѣйствительно и странная и обаятельная и трудно сказать, что больше: странная или обаятельная.

Когда Красовъ входилъ къ ней въ комнату, отъ нея вѣяло холодомъ. Потомъ медленно, точно съ трудомъ, по тѣлу пробѣгала влажная теплота. А послѣ жаромъ палило въ комнатѣ, остро-томительнымъ зноемъ.

Потомъ снова мертвящій холодъ и тихое:
— Ступайте!..

Иногда она его и вовсе не впускала къ себѣ. Или вскорѣ прогоняла. И молчаливымъ укоромъ зажигались тогда зрочки студента—зеленые, огромные зрочки.

Онъ уходилъ. А черезъ мгновеніе за нимъ прибѣгала горничная: барышня требовала его.

Но разъ онъ не пошелъ. Обидѣлся. Сидѣлъ въ своей длинной и узкой конуркѣ, безцѣльно перелистывалъ страницы какой-то книги и ждалъ. Ждалъ долго—чего? Онъ самъ не зналъ.

Поздно ночью, когда шумливый городъ задремалъ, въ его комнату постучались. Это была Ольга. Плотная, пышная и красивая.

— Не ждали?

— Признаться, ждалъ...

— Да?...—И пропало желаніе посидѣть у него, и захотѣлось вонъ отсюда.

— Проводите меня домой.

— Какъ?... уже?..

— Не хотите? не надо...

— Ну, посидите... отдохните что ли...

— Нѣтъ.

— Но почему?

— Такъ...

Красовъ взялъ форменную фуражку и проводилъ ее.

У дома Ольга остановилась.

— Прощайте!—протянула ему свою руку и крѣпко по-мужски пожала.—Славный вы малый. Только... зачѣмъ сказали, что ждали меня.

И вошла въ домъ.

II.

Когда Ольга была маленькой, мама ей подарила крошечнаго котенка.

Радость дѣвочки была безгранична. Котенокъ былъ сѣренкій, бархатный. Бронзой искрились его глазки. И онъ такъ смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ жалобно мяукалъ.

Дѣвочка возилась съ нимъ цѣлые дни. Устроила ему мягкую постельку изъ маминой теплой шали, сшила изъ лоскутковъ отъ приданого куклы одѣяльце, изъ пуха соорудила подушечку. Поила его молочкомъ, брала гулять съ собою и тогда счастьемъ лучились ея ласковыя глазки.

Назвала его Джекомъ...

Разъ Джекъ заболѣлъ. Пересталъ ѣсть, по цѣлымъ днямъ не сходилъ со своей постельки и только еще жалобнѣе мяукалъ.

Дѣвочка потеряла голову.

— Мама, мама, что съ Джекомъ? Отчего онъ такой скучный?

Но мама и сама не знала, что такое случилось съ ея подаркомъ и навсѣ вопросы дочери отвѣчала:

— Боленъ онъ, Оленька, вотъ что.

— Боленъ? Какъ боленъ? Зачѣмъ боленъ?—неугомонно спрашивала дѣвочка.—Отчего-же я не больна, а онъ боленъ?.. Да, мама, отвѣчай!

— Глупенькая ты. Онъ боленъ, а ты нѣтъ. Богъ такъ хочетъ. Онъ можетъ умереть, если Богъ захочетъ, а ты будешь жить

— Умереть... если... если Богъ захочетъ... Развѣ онъ можетъ захотѣть, чтобы Джекъ умеръ?

— Можетъ...

— Но вѣдь Джекъ мой, а не Его... Я не позволю!

Мама размѣялась.

— Ахъ ты, дурочка моя. Да развѣ можно Богу что-нибудь не позволить?

— Конечно,—увѣренно крикнула дѣвочка.—Это мой Джекъ. Онъ только меня послушаетъ, а злого твоего Бога нѣтъ.

Мама нахмурилась.

— Оля, не глупи,—уже строго остановила она дочь.—Ты забываешься. О Богѣ нельзя такъ говорить.

— А я хочу!—громко вырвалось у дѣвочки.—Онъ злой, нехорошій!—и убѣжала въ свою комнату.

Острая мысль забѣгала у дѣвочки въ головѣ. Почему Богъ можетъ захотѣть, чтобы Джекъ умеръ?.. Какое право онъ имѣетъ?.. Вѣдь Джекъ ея, Оли... Или мама сказала неправду: Джекъ не ея?..

Дѣвочка думала ночь, день, снова ночь, а потомъ опять пришла къ мамѣ.

И чѣмъ больше мама говорила, тѣмъ задумчивѣе становилась дѣвочка, тѣмъ тяжелѣе было у нея на душѣ.

— Такъ Джекъ не только мой... И Богъ всегда можетъ отнять его у меня...—назойливо колотилось по маленькимъ мыслямъ и было непріятно отъ сознанія этого.

Джекъ пересталъ Олиньку занимать, если онъ ей не принадлежитъ и его во всякую минуту могутъ отнять, то стоитъ-ли любить его, заботиться о немъ. Пусть Богъ это дѣлаетъ, а она не хочетъ.

Глухая досада на то, что ея собственность могутъ безъ спроса отнять у нея не давала дѣвочкѣ покою. Мысль билась, точно въ тупикѣ, вырываясь наружу и хотѣлось сдѣлать такъ, чтобы Джекъ принадлежалъ только ей и чтобы только она могла сдѣлать съ нимъ все, что захочетъ.

— Мама, а я буду знать, когда Богъ захочетъ, чтобы Джекъ умеръ?

— Нѣтъ.

— Онъ не скажетъ мнѣ?

— Нѣтъ.

Дѣвочка помолчала.

— Значить... Джекъ можетъ умереть даже сегодня?

— Можетъ.

Дѣвочка вздрогнула.

— Только не сегодня... завтра—да, а сегодня...—и умолкла.

— Почему-же не сегодня? и почему именно завтра?

— Такъ...—и отвернулась.

И почувствовалось, что въ маленькой головкѣ созрѣлъ какой-то планъ...

Когда въ домѣ стало тихо и по комнатѣ потянулось ровное дыханіе спящихъ людей, Ольга встала со своей постельки. Крадучись подползла къ котенку.

Джекъ мирно спалъ: онъ уже сталъ поправляться.

— Не отнимите! — насмѣшливо прошептала дѣвочка въ пространство и сѣла на корточки у постельки Джека.

Въ мигъ цѣпкія руки впились въ бархатную шейку и съ силой надали ей. Какой-то хлюпающій стонъ ворвался въ комнату, закрутился и надолго повисъ въ воздухѣ. Крошечныя ножки вытянулись, тѣло повернулось на спину, широко раскрылись бронзовыя глаза.

Джекъ былъ мертвъ.

— Не отнимешь, не отнимешь, не отнимишь,—быстро-быстро повторяла дѣвочка, снова укладываясь въ свою постельку.

III.

Красовъ зналъ объ этой исторіи далекаго дѣтства. И иногда заговаривалъ съ Ольгой.

— Съ Богомъ боролись?—и ироніей кривился голосъ.

Ольга сердилась.

— Да, боролась... и буду еще бороться.
 — Съ Богомъ?
 — Даже съ вашимъ Богомъ.
 — И надѣетесь побороть?
 — Не ваше дѣло!
 Красовъ смѣялся.
 Однажды они говорили серьезно.
 — Зачѣмъ вы убили Джека?
 — Чтобы чувствовать, что я его убила.
 Я хотѣла и была его госпожей до послѣдней минуты.

— И вамъ не было жаль?
 — Нисколько. Я тогда стала выше въ своихъ собственныхъ глазахъ... Вы думаете, я тогда была ребенкомъ?—о нѣтъ! Я знавала все, а чувствовала, быть можетъ, лучше, чѣмъ теперь.

— И все-таки были не по лѣтамъ жестоки.

Улыбнулась.

— Вы думаете?... Быть можетъ.

И умолкла.

Больше объ этомъ они не говорили.

IV.

Разъ Красовъ пришелъ къ Ольгѣ взволнованнымъ. Что-то тяжелое было въ немъ и чудилось, что нынче произойдетъ нѣчто необыкновенное.

Состояніе это передалось и Ольгѣ.

И они сидѣли долго молчаливыми.

Въ комнатѣ сгустился мракъ. Углы зарисовались причудливыми тѣнями и въ окно глянули подслѣповатыми глазами сѣренькія сумерки умирающаго дня.

— Пойду принесу лампу.

Она встала.

— Н... нѣтъ... не надо... такъ лучше...

И снова, умолкли.

Но первое слово было сказано и дальше становилось легче.

Она полулежала на софѣ, у ногъ сидѣлъ онъ. Ея тонкія пальцы путались въ шелковистыхъ волосахъ мужской головы. И потому было обольстительно—сладко. И ласково.

— Милая...

Рука снялась съ головы и стало тихо. И мертво.

— Милая...

Онъ закинулъ голову и глядѣлъ снизу вверхъ. И ласковый взглядъ влажно купался въ ея глазахъ.

— Милая...

...Схватила его сразу, вдругъ. Всего схватила и сдавила до боли.

Словъ больше не было...

V.

Когда Ольга лежала въ постели, почему-то ей вспомнился Джекъ. Въ мозгу зарисовалась картина далекаго дѣтства и пахло дально на нее. Вспомнились Богъ... мать... споръ о Богѣ... И потомъ смерть Джека.

Потомъ мысль перескочила на Красова. Онъ лежалъ подлѣ и спалъ.

— Мой... мой, милый...

И жаркій поцѣлуй затерялся на его губахъ.

Почему-то вдругъ стало холодно. Морозомъ повѣяло на Ольгу.

— Мой-ли?... А Богъ?..

Снова юкнула въ мозгу старая мысль и быстро-быстро побѣжала.

Вспомнились сухія слова матери:

— Если Богъ захочетъ... Богу ничего нельзя запретить...

Стало жутко.

— Милый... любимый...

И тихо испуганно:

— Мой...

Подождала.

— Мой...

Громче:

— Мой!..

И вдругъ ясно, отчетливо до наготы:

— Не твой...

— Мой!

— Не твой...

— Мой, мой, мой!

И бѣшенно, страстно:

— Только мой!!

А въ отвѣтъ тихое:

— Не твой... Джекъ твой, а этотъ... не твой...

Острая мысль стукнула въ мозгъ.

— Будетъ мой!..

— Не будетъ...

— Будетъ!..

Въ рукахъ блеснуло что-то длинное, большое.

— Мой!..

И совсѣмъ тихо:

— Мой...

...Вздригнуло тѣло. Что-то хрипнуло, застонало протяжно, жалобно и смолкло.

— Мой!—радостно завертѣлось по комнатѣ, повисло въ воздухѣ, задрожало по угламъ.

...—Мой!—крутилось черезъ минуту по саду.

...Мой!—летѣло дальше въ степи на встрѣчу ночи, звѣздному небу, бѣлой, неяркой лунѣ...

И откуда-то издалека ясно, отчетливо до наготы:

— Твой...

Савелій Фиделевъ.

Стихотвореніе

Пѣсня шарманка надъ зыбкой толпой

Дерзкой промчится лавиной:
 Ширясь, всѣхъ поведетъ за собой,
 Съ чванной небрежною миной,

Что въ ней „не сказано“, челядь пойметъ,

Лапти лазурью затянетъ,
 Глупая пѣсня вѣка проживетъ,
 Славы учителемъ станетъ.

Пѣсня—бой сердца, глашатай живой

Сгинетъ во мракъ безстрастья:
 Будутъ топтать ее гордой пятой
 Лстыивые прихвостни счастья,

Такъ проволочатъ чрезъ мягкую грязь,

Вымажутъ всѣ кружева,
 Послѣ промолвятъ, надъ нею смѣясь:
 Видите, вотъ какова!

Николай Чериковъ.

Село Беззаботное.

ОЧЕРКИ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ.

(Продолжение).

Князь и княгиня приехали вместе с Екатериной. Ник. въ Беззаботное. Въ один прекрасный вечеръ, съ трескомъ, съ шумомъ и со звономъ проскакалъ дорожный дормезъ по улицѣ деревни и разбудилъ ея жителей. Залаяли собаки, разбѣжались ребяташки, изъ кривыхъ оконъ избъ высунились головы бабъ, изъ дворовъ вышли мужики, ямщикъ свистнулъ и махнулъ кнутомъ. Дормезъ подкатилъ къ главному крыльцу. Николай Петров. вышелъ на крыльцо встрѣчать гостей.

— Наконецъ таки приехали!—воскликнулъ онъ, пожавъ съ привѣтливою улыбкою дамамъ ручки и расцѣловавшись съ княземъ.—Вотъ уже недѣля, какъ мы васъ съ Наталіей Павлов. каждый день ждемъ.

— А мы вотъ уже недѣля, какъ собираемся и наконецъ собрались!—отвѣтилъ князь.—Дамы мои все укладывались и насили уложились. Вы знаете, какъ укладываются дамы? Это не то, что нашъ братъ.

— Ахъ! не вѣрьте, не вѣрьте ему!—прошептала своимъ звонкимъ голоскомъ княгиня.

— Прикажете не вѣрить княгиня? Готовъ-съ, чтобы вамъ только доставить удовольствие!—отвѣтилъ Ник. Петр. съ любезностію стараго волокиты.

Между тѣмъ, они проходили рядъ комнатъ и направлялись къ балкону. Наталья Павл. шла къ нимъ навстрѣчу. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, когда всѣ ушли на балконъ, княгиня побѣжала на лужокъ разстилавшійся передъ домомъ и съ звонкимъ хохотомъ бросилась въ густую траву. Она какъ будто жаждала свободы и походила на птичку, вылетѣвшую изъ клѣтки.

— Catherine, — кричала она Екатер. Ник.—ma chere! venez! voyez comme il fait bon ici!—Но Екатер. Ник. отвѣчала ей, что ей хорошо на балконѣ.

— Il fait humide, tu fais des folies, mon ange—говорилъ ей князь.

— C'est une belle enfant!—возражала Нат. Павлов.

— Georges!—кричала княгиня мужу.—Wiens donc toi du moi! Entende-tu, tu dois venir!—И князь усталый съ дороги, нехотя сошелъ съ балкона и направился къ своему маленькому тирану. За послушаніе онъ получилъ поцѣлуй; потомъ, вдругъ вскочивъ, княгиня взвилась легко и граціозно, а князь поплелся за ней вслѣдъ медленными шагами, любясь воздушнымъ станомъ и свѣтлыми кудрями своей прелестной Ундины. И сколько Ундиночекъ прелестныхъ

играютъ съ бурями житейскими, какъ съ призрачными волнами, пока волна земная не захватитъ ихъ въ свою очередь, тогда бѣгутъ онѣ къ волнамъ роднымъ и.... напрасно ищешь ихъ, онѣ исчезли, исчезли на всегда!

Между тѣмъ, голосъ Натал. Павлов. сильно раздавался; когда князь съ княгиней вернулись на балконъ, она горячо разсуждала о деревенскомъ хозяйствѣ, о невозможности помѣщикамъ жить теперь въ деревнѣ и хозяйничать, о томъ, какъ безсовѣстно кралъ управляющій, о распущенности и безнравственности народа, о томъ, что онъ теперь ничего и никого не признаетъ и на каждомъ шагу только твердитъ, что онъ не крѣпостной. Князь вполне раздѣлялъ ея мнѣніе и разсказалъ, въ свою очередь, сколько муки онъ перенесъ avec cet animal de moujik russe. Какъ онъ хотѣлъ искоренить пьянство, отъ котораго истекаетъ все зло, уничтожить кабаки. Онъ говорилъ, что народъ съ уничтоженіемъ крѣпостного права, сталъ пить сильнѣе прежняго, что каждый заработанный грошъ несетъ въ кабакъ, лѣниво работаетъ, и помѣщикъ даже при большой платѣ остался безъ рабочихъ рукъ.

— Трудныя времена настали! Трудныя!—повторяла Нат. Павлов.

— Да, трудные дни настали, дни дѣятельности и борьбы! Прощай барство! Прощай обломовщина! Пора проснуться матушкѣ Россіи! Пора перестать ей лѣниво потягиваться и зѣвать!—думала Екатер. Ник., сходя съ балкона и направляясь къ пруду.

Вечеръ былъ одинъ изъ прекрасныхъ майскихъ вечеровъ. Солнце только что легло въ свое пурпурное ложе, небо было того свѣтлаго, прозрачнаго цвѣта, который, освѣщенный луннымъ сіяніемъ, кажется еще прозрачнѣе; по немъ скользили звѣздочки, которыя мерцали въ лазурной атмосферѣ. Все было такъ тихо въ природѣ, не колыхнется, не зашевелится листокъ и, слышались только: ревъ коровъ, ржаніе лошадей и бляеніе овецъ, которыхъ гнали съ поля, насвистывая и подщелкивая, грязные и босые мальчишки, скрипъ и стукъ телегъ, возвращающихся съ поля, крикъ ребятшекъ, плескавшихся въ прудѣ, лай собакъ и пискливое пѣніе бабъ, идущихъ съ работъ.

— А доля русской женщины?—думала Екатер. Ник. «Какова она, въ семьѣ, въ обществѣ, гдѣ ея поприще? Въ чемъ ея призваніе? Онѣ всѣ были по сію пору ба-

рынями Натальями Павловными или куклами Софи, въ томъ обществѣ, въ которомъ я родилась и была воспитана или, лучше сказать, дрессирована, какъ лошадь англійскими и французскими конюхами и пущенная на арену свѣта для апплодисментовъ публики... Когда-жъ наконецъ будемъ мы русскими женщинами? не куклами, не заморскими обезьянами, не иностранными попугаями, а существами разумными и дѣятельными, приносящими свою частицу меда въ общій пчельникъ? Когда-жъ будемъ мы русскими женщинами?».

Какой то внутренній голосъ говорилъ ей: «Не унывай, задатковъ много въ русской женщинѣ, нужно только ее воспитывать». И она вѣрила ему, глядя на богатую степь, широко разстилающуюся передъ ней, на этотъ крѣпкій и способный народъ, на эту широкую русскую натуру проявляющуюся вездѣ! Болѣзненно заговорило въ ней желаніе быть русской женщиной!

И долго сидѣла Екатер. Никол. у пруда и наслаждалась тишиною вечера. Ей казалось, что и природа, какъ будто, утомленная отъ знойнаго дня, отдыхала и запасалась свѣжими силами для слѣдующаго дня. Душа ея, послѣ борьбы съ разными впечатлѣніями, мыслями и чувствами также отдыхаетъ и запасается силами для слѣдующаго дня.

Уже было поздно, гуси давно скрылись съ пруда, собаки лаяли, сторожъ билъ въ доску. Екатер. Ник. встала и пошла домой.

Екатер. Ник. была дочь богатыхъ родныхъ. Мать увезла ее дѣвочкой за границу и тамъ воспитывала;—хотя и за границей, но она была воспитана, какъ русская барышня, т. е. изъ нея сдѣлали какую то космополитку и воспитаніе не выработало въ ней никакого опредѣленнаго характера. Она бѣгло говорила по французски и по англійски, бѣгло играла на фортепьяно Бетховенскую сонату и вальсъ Шопена. Въ 18 лѣтъ, когда всѣ говорили, что воспитаніе уже кончено, Екатер. Ник. инстинктивно чувствовала, что оно еще не было даже начато, что она обладала только какимъ то поверхностнымъ знаніемъ. Въ ней былъ какой то хаосъ мыслей и чувствъ, о которыхъ она не могла даже дать себѣ отчета. Мать стала вывозить ее на балы. Екатерин. Ник. старалась, какъ можно, рѣже посѣщать ихъ, увѣряя мать, что послѣ каждого бала, она больна, и, въ самомъ дѣлѣ, провѣртѣвшись всю ночь до утра въ свѣтскомъ водоворотѣ, она все болѣе и болѣе чувствовала его пошлость и пустоту, и на другой день ходила, блѣдная и уста-

лая, съ сильной головной болью, пеняя, что вотъ куда уходили ея молодыя силы.

Самыя пріятныя минуты ея жизни были, когда забывали о ея существованіи, и она могла удалиться въ свою комнату и тамъ вполнѣ предаться любимымъ мечтамъ. Не о героѣ прочитаннаго романа мечтала она, не о свѣтскихъ франтикахъ, которые, какъ мотыльки, порхали вокругъ нея, не о пышныхъ нарядахъ, не о замужествѣ, единственной цѣли каждой дѣвушки для пріобрѣтенія свободы.

Ея мечта была—отдаться вполнѣ жизни дѣятельности и труда, всѣмъ жертвовать для этого: своей свободой, своимъ личнымъ я, если бы только этимъ, она могла оказать реальную пользу. Она чувствовала для этого такой избытокъ энергіи и силы, и, увы! эта энергія и эти силы должны были расточаться на пошлыя мелочи жизни!...

Вернувшись съ вечерней прогулки Ек. Ник. прошла въ свою комнату и стала у раскрытаго окна, чтобы подышать еще воздухомъ. Всѣ уже улеглись въ домѣ, почему царствовала тишина. Какъ вдругъ дверь ея комнаты отворилась и вошла Нат. Павл.

— Что, Катя, ты еще не спишь?—спросила она.—Гдѣ ты пропадала? Уже вѣрно обошла деревню и садъ? А у насъ все попрежнему; хотѣла я было заставить садовника пересадить малину, но оставила до слѣдующей весны: и такъ дѣла много.

— У васъ, *ma tante*, тутъ такъ все хорошо,—отвѣтила Ек. Ник.—Прекрасный садъ съ липовыми аллеями и прудъ съ такой прозрачной водой. Люблю я деревню.

— Ну, а какъ провела ты зиму? все вѣрно пряталась? Пора, Катя, сдѣлаться разумной, вѣдь уже тебѣ, кажется, 23 года. Пора и замужъ выходить. Мать твоя писала мнѣ, что сватался богатый женихъ, занимающій въ Петербургѣ почетное мѣсто и имѣющій связи, я такъ обрадовалась, готовилась уже ѣхать на свадьбу, и что-жъ?..

— Я замужъ, *ma tante*, не пойду.

— А почему это?—спросила, пораженная такимъ отвѣтомъ, Нат. Павл.—Вѣдь это единственное назначеніе женщины — быть женою и матерью,—продолжала она.—А ты что думаешь дѣлать? Все на небо смотрѣть и звѣзды считать? Я помню, все, бывало, съ книгой сидишь или съ тетрадкой, все пишешь да пишешь. Ужъ не писательницей ли или поэтомъ хочешь сдѣлаться? Избави тебя Богъ! Вѣдь ты тогда окончательно перестанешь быть женщиной; и мужчины будутъ избѣгать тебя; они такихъ не любятъ. Посмотри на Софи, моложе тебя, а вышла замужъ, сдѣлалась ея сіятельностью, княги-

ней, на чудныхъ рыскахъ катается по Невскому, заказываетъ платья въ Парижѣ, имѣетъ абонированную ложу въ оперѣ. Любо смотрѣть на нее и на мужа; какъ онъ ее на рукахъ носить.

— Не завидую я счастію Софи,—проговорила Ек. Ник.—Мужъ ее на рукахъ носилъ, какъ избалованнаго ребенка. Но какъ Софи вышла замужъ? Любить-ли она своего мужа? Она вышла за уже отжившаго, стараго, сравнительно съ ней, человѣка, который ей скорѣй въ отцы годится. Она вышла замужъ, чтобы быть княгиней, имѣть пару рысаконъ и туалеты изъ Парижа. Я изъ-за этого замужъ не пойду, *ma tante*. Я совсѣмъ иначе смотрю на жизнь. Она для меня не можетъ быть катаніемъ или баломъ, постояннымъ какимъ-то праздникомъ, на которомъ я, какъ разряженная кукла, должна участвовать. Я хочу знать не только всю радость, но и борьбу жизни, потому что безъ послѣдней она немыслима. Я хочу сознательно жить, а не безсознательно вертѣться въ какомъ-то чаду!

— Ахъ! Какая же ты странная Катя! Хочешь узнать борьбу жизни!

— Да, потому что безъ нея нѣтъ и настоящей радости. Потому, что каждая минута душевнаго или умственнаго наслажденія дорого намъ обходится и влечетъ неизбѣжно за собой всякаго рода борьбу неудачъ и разочарованій. Это-то и есть жизнь. Вѣдь полнаго счастія нѣтъ на землѣ, а только одно стремленіе къ нему и, пока человѣкъ еще стремится къ чему-то, онъ живетъ; но есть люди, которые живутъ только для одного пошлаго наслажденія.

— Ну, перестань, Катя. Ты начиталась разныхъ книгъ, которыя тебѣ только принесли большой вредъ. Повѣрь, мой другъ, выкинь ты изъ головы всю эту чушь, а то ты будешь пренесчастная, а теперь ложись-ка спать, уже поздно.

И тетушка, поцѣловавъ Ек. Ник., отправилась въ свою спальню.

«Да, несчастная!»—подумала Ек. Ник., вынувъ гребень изъ головы, и черная коса упала ей на плечо.—«А почему несчастная?.. Потому, что жизнь такъ хороша и люди не въ состояніи понять ее. Потому, что міръ такъ прекрасенъ, а свѣтъ такой испорченный и пошлый!..»—И, сбросивъ съ себя платье, перекрестившись, легла спать.

На другой день было жарко. Палящіе лучи солнца остывали, когда Ек. Ник. отложивъ книгу, которую читала, открыла калитку сада и вышла въ поле. Передъ ней разстилалась степь. «Какой просторъ!»—по-

думала она.—Есть гдѣ разгуляться русской мысли!.. И въ самомъ дѣлѣ, какъ хороша ты, степь! То знойный туманъ обхватитъ тебя, и все дремлетъ и молчитъ тогда, то дунетъ вѣтерокъ, и ты оживишься, зашевелишься. золотыя волны, встряхнуть головками полевые цвѣты, подымутся стада, зарумянится горизонтъ и закатится солнце туда, туда въ глубь бездонную, въ пространство безконечное... а ты, степь, остаешься все та же, съ твоимъ однообразіемъ. По тебѣ, хоть и есть гдѣ разгуляться мысли, но мысли заунывной и грустной, которая найдетъ отголосокъ только въ русской душѣ!»

Прошла уже недѣля, какъ жители деревни проводили однообразно свои дни. Дмитрій Петровичъ, напившись утромъ чаю, отправлялся на бѣговыхъ дрожжахъ объѣзжать поля, а вечеромъ занимался съ управляющимъ или выслушивалъ жалобы и просьбы крестьянъ. Наталья Павловна просыпалась поздно и, окончивъ свой туалетъ, на террасѣ, полулежа на кушеткѣ, читала французскій романъ. Княжна въ нарядномъ капотѣ сидѣла козлѣ нея и перебивала чтеніе пустой болтовней. Послѣ обѣда они ходили гулять, катались на лодкѣ или отправлялись пить чай въ лѣсокъ, находившійся въ двухъ верстахъ отъ дома. Но все это начинало имъ надоедать. Наталья Павловна жаловалась на болѣзнь, а княжна, надувъ премило губки, твердила мужу: «*Bon Dieu! que c' est donc triste la campagne!*».

Право, не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если бы сама судьба не сжалилась надъ ними и не прислала бы имъ совершенно неожиданно двухъ гостей.

Въ одинъ прекрасный вечеръ Дмитрій Петровичъ съ княземъ отправились на охоту; Наталья Павловна, зѣвая, читала романъ на террасѣ; княжна изволила отъ скуки почивать, а Екатерина Николаевна совершала свою любимую прогулку по полямъ и лугамъ. Она ужъ отошла на порядочное разстояніе отъ дома, какъ вдругъ послышался ей глухой звонъ колокольчика, и она увидѣла подымавшееся густое облако пыли; вскорѣ уже могла она различить коляску, запряженную тройкой почтовыхъ лошадей; онѣ мчались съ тою быстротою, съ которой мчатся почтовые, когда объѣзжаешь ямщику на водку. Двѣ запыленные фуражки, какъ вихрь, пронесли мимо нея, но тотчасъ услышала она голосъ, который кричалъ ямщику: «Стой!», и одинъ изъ сидящихъ въ коляскѣ, выпрыгнувъ изъ нея, побѣжалъ за ней.

А. Кончаковская.

(До слѣдующаго №).

ИСКАНИЕ ПРАВДЫ.

(Записки театрального критика).

III.

Искусство—словно грандиозное свѣтило, разсѣивающее миллиарды лучей. Однимъ—эти лучи согрѣваютъ душу, другимъ—и душу согрѣваютъ, и освѣщаютъ тяжелый жизненный путь. Одни лучи падаютъ на восприимчивую почву, которая подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ испускаетъ ростки добра, правды и красоты,—другіе спотыкаются о невосприимчивую почву и только скользятъ по ней, чуть-чуть ее задѣвая. Вполнѣ же насладиться красотами свѣтила и рассмотреть на немъ темныя и свѣтлыя пятна можетъ только тотъ, у кого глазъ отъ природы приспособленъ для этого.

Постигать искусство можетъ только тотъ, у кого въ душѣ отъ природы сокрыты сокровища, способныя разукрасить, разодѣть и расчленивъ на составныя элементы красоту и все, что съ ней связано. Но, конечно, выраженіе Толстого—«искусство не терпитъ посредственностей» — допускаетъ исключеніе. Искусство живетъ не только обновляющимися соками, но и тѣмъ хорошимъ старымъ, что создавалось вѣками. Сохранить это старое для пользы искусства также важно, какъ и создать новое. Если не сохранять искусства, то толпа, жизненный путь которой озаряется время отъ времени его отдѣльными лучами, своимъ прикосновеніемъ можетъ загрязнить это искусство, внеся въ него элементъ обыденщины и пошлости.

Но, увы, даже критику, преслѣдующему столь скромныя задачи, все же недостаточно однихъ знаній. Знаніе можетъ помочь отыскать методы изслѣдованія, но результаты изслѣдованія все-таки будутъ субъективны, а не объективны, какъ я мечталъ въ началѣ своей литературной дѣятельности. Да иначе и быть не можетъ: вся сила искусства въ тѣхъ личныхъ началахъ, которыя вносятъ въ него его творцы.

Тѣмъ не менѣе я искалъ объективныхъ основаній. Что можно найти въ литературѣ о театрѣ и сценическомъ искусствѣ? Очень немного, въ общемъ. «Парадоксы» Дидро?

Я его прочиталъ. Допустимъ, что Дидро правъ: актеръ не долженъ волноваться страстью роли, чтобы передать ее. Но подойдите съ этимъ критеріемъ къ исполнителямъ, и вы убѣдитесь, что имѣете дѣло съ «антиноміей», съ неизгладимымъ, основнымъ противорѣчіемъ, о которомъ говоритъ Льюисъ. «Если онъ дѣйствительно чувствуетъ,—говоритъ Льюисъ,—онъ не можетъ играть; но онъ равно не можетъ, если онъ безчувствененъ». «Мы знаемъ, всѣ безсмысленныя старанія крикливыхъ и гримасничающихъ актеровъ, чтобы произвести эффектъ,—вся скука холодной, полной условныхъ движеній, игры, мимики безъ жизни, происходитъ отъ безстрастнаго дарованія актера». Святая истина. Значитъ, сущность въ страсти. Но какъ опредѣлить ее? Льюисъ даетъ прекрасныя характеристики актеровъ, но какое же можно извлечь объективное основаніе для сужденій, когда онъ, положимъ, говоритъ, что Сальвини въ «Отелло» даетъ несообразное соединеніе миловиднаго съ великимъ? И прежде всего, что такое «миловидное» и «великое»?

Я обратился къ учебникамъ и пособіямъ по сценической Technikѣ. Напр., я читалъ «Лекціи о сценическомъ искусствѣ» П. Д. Боборыкина. И вотъ я читалъ тамъ: «Ревность есть мучительное наслажденіе, вызываемое созерцаніемъ не принадлежащей и такъ отторгнутой красоты». «Поэтому въ выраженіи глазъ скажется, во-первыхъ, *интенсивное изумленіе*, слагающееся изъ *скорбного недоумѣнія* и *непріятнаго самочувствія* и, во-вторыхъ, *затаенное бѣшенство*». «Скорбное недоумѣніе» выразится въ расширеніи зрачка и въ полураскрытомъ ртѣ; «непріятное самочувствіе», напротивъ, въ суженіи зрачка и въ опущенныхъ углахъ рта; что же касается «затаеннаго бѣшенства», то это ощущеніе отразится въ нависшихъ бровяхъ и плотно сомкнутыхъ устахъ.

Выходитъ, что одновременно зрачекъ долженъ быть и суженъ, и расширенъ, ротъ—и закрытъ, и открытъ, и опущенъ, и поднятъ. Какъ же все это можно прослѣдить на сценѣ, даже если это вполнѣ объективныя данныя, почерпнутыя изъ «Физиономики животныхъ» Дарвина?

IV.

Рецензія должна быть субъективна, быть можетъ, менѣе самого творчества, но во всякомъ случаѣ, она должна представлять лично мнѣ принадлежащую форму «охраны» того, что я считаю истиной искусства. Иной вопросъ, насколько субъективное впечатлѣніе критика близко къ истинѣ. Объ этой близости самому судить трудно, ибо каждый человѣкъ свои собственные сужденія полагаетъ наиболѣе соответствующими дѣйствительности. Но во всякомъ случаѣ искренность сужденій читатели поймутъ и оцѣнятъ. Люди какъ-то инстинктивно ищутъ истины, хотя почти никогда ее не понимаютъ. Въ это я вѣрилъ и это всегда мнѣ помогало работать.

И, такъ извѣрившись въ объективность, я сталъ поклоняться искренности.

Только тотъ безпристрастенъ — кто безстрастенъ. Это звучитъ плохимъ парадоксомъ, но это такъ. Въ самомъ дѣлѣ только человѣкъ, у котораго умерщвлены всѣ страсти, незнакомъ съ увлеченіемъ. Но разъ человѣкъ не безчувствененъ—онъ не гарантированъ отъ увлеченій, а слѣдовательно и отъ заблужденій. Отсюда выводъ: безпристрастнымъ рецензентомъ можетъ быть только человѣкъ неувлекающийся.

Повидимому, мы договорились до сути, чтобы быть добросовѣстнымъ рецензентомъ: необходимо атрофировать свои страсти и чувства. На здѣсь повторяется «антимонія» «парадокса Дидро». Если я безчувствененъ,—я не способенъ чувствовать красоту и воспринимать ее. Если я безстрастенъ, — для меня всѣ тѣ страсти и чувства, но которыми живутъ на сценѣ дѣйствующія лица, звукъ пустой. Чужое горе, чужія радости и страданія меня мало тронутъ, потому что я самъ никогда не плачу горячими слезами и не смѣюсь открытымъ, искреннимъ смѣхомъ. Но развѣ это требуется отъ театрального критика?.. Въ его душѣ должны звучать меланхолическія и тонкія струны. Онъ долженъ загораться отъ всякаго огня и горѣть быстро, лихорадочно, нервно,—такъ горѣть, чтобы весь тотъ жаръ и пылъ, которые клопочутъ внутри

его, выливались бы въ красивой, хотя быть можетъ безпорядочной формѣ на бумагу и заражали окружающее. Чувство и воображеніе ему не только нужны, но и необходимы, и только при наличности ихъ онъ съумѣетъ затронуть чужое любопытство, разжечь его, нервно совмѣщая логику съ романтизмомъ и дѣйствительность съ фантазіей. Его крылатые слова должны ударять, какъ отравленные стрѣлы, и—чтобы продолжить сравненіе—небрежное натягиваніе тетивы должно увеличивать силу удара.

Стало быть, полное безпристрастіе рецензента такъ-же невозможно, какъ и безпристрастіе актера. Ничто человѣческое не чуждо, да и не должно быть чуждымъ, разъ онъ—не ходячій педантистъ. Онъ волнуется и увлекается, какъ всѣ и какъ каждый—онъ грѣшитъ и ошибается. Скажу даже больше: благодаря постоянному общенію съ театромъ, благодаря почти исключительному сосредоточію своихъ главныхъ интересовъ на театрѣ,—театральный критикъ становится впечатлительнымъ и воспріимчивымъ и, подобно, актерамъ, живетъ одними или почти одними миражами, что даетъ широкій просторъ для развитія чувственности, страстности и другихъ смертныхъ грѣховъ. Но главное, — театральный критикъ, — если не живущій, то думающій на людяхъ,—легко поддается лести, и въ этомъ, пожалуй, заключается главная опасность. Актеры и особенно актрисы хорошо разучили эту уязвимость рецензента и умѣло ею пользуются. Впрочемъ, у актрисъ, полагающихъ, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ, и помимо того есть не мало средствъ для «укрощенія строптивыхъ». Лично я, напр., если лгалъ, то почти всегда благодаря вліянію актрисъ.

V.

Я живо помню мою первую ложъ. Въ загородномъ театрѣ гастролировала провинціальная актриса. Какъ разъ въ день ея перваго выхода она явилась ко мнѣ въ редакцію и начала съ того, что наговорила мнѣ кучу комплиментовъ. По ея словамъ выходило, что я и самый умный, и самый чуткій, и чуть-ли не самый талантливый критикъ. Все это сопровождалось такими обворожительными улыбками, было передано съ тѣми особыми интонаціями, которыя вырабатываются на амплуа *grande-coquette*. Я тогда былъ черезчуръ довѣрчивъ, не въ мѣру молодъ, и все принималъ за чистую монету. Уже на спектакль я ѣхалъ твердо увѣренный, что эта актриса, если и не гениальна, то, во всякомъ случаѣ, очень талантлива. Правда, спектакль меня нѣсколько разочаровалъ. Теперь я припоминаю, что играла «гастролерша» Магду въ «Родинѣ» слабовато, но тогда мнѣ казалось, что это не совсѣмъ превосходно, и то, будто бы, потому, что актриса не такъ поняла роль, изображая Магду незамысловатой мѣщаночкой. Такъ я и думалъ написать от-

зывъ: играла, молъ, очень и очень недурно, но не вполне можно согласиться съ тѣмъ толкованіемъ роли... и т. д. Къ сожалѣнію, даже и этой оговорки не пришлось сдѣлать. Въ одномъ изъ антрактовъ я зашелъ, согласно обѣщанію, къ гастролершѣ въ уборную. Интонаціи *grande-coquette* были еще превосходнѣе. Было очень интимно и, если память мнѣ не измѣняетъ, горѣлъ розовый фонарь. И вдвоемъ мы стали разбирать роль Магды. Увы, изъ моей рецензіи—какимъ-то непостижимымъ образомъ—исчезло и то особое толкованіе, съ которымъ можно не согласиться, но которое должно признаться... и пр. Это была моя первая ложъ, но, конечно, не послѣдняя. Такъ какъ я пишу покающую повѣсть, то простится мнѣ все, еже въ молодости написахъ.

Не безъ злорадства и чувства внутренняго удовольствія я прочиталъ слѣдующій эпизодъ изъ жизни Сарсэ.

Еще задолго до того времени, когда Сарсэ сдѣлался знаменитостью, въ провинціальномъ городѣ Греноблѣ онъ былъ свидѣтелемъ перваго дебюта красавицы-актрисы Селины Менталанъ, прогремѣвшей въ послѣдствіи на всю Францію, и написалъ о ней восторженный отзывъ. Прошло много лѣтъ. Селина рѣшила дебютировать въ парижскомъ «Porte Saint Martin», и, чтобы умиловить критиковъ, нанесла имъ всѣмъ визиты. Явилась она таже и къ Сарсэ, ставшему уже къ тому времени моднымъ критикомъ. Но предоставимъ самому Сарсэ рассказать про это свиданіе.

— «Какъ?—воскликнула она.—Это вы, Жанъ изъ Гренобля?»

«И потомъ, какъ будто оправившись отъ изумленія, она прибавила:

— «А, *monsieur*, я никогда не забуду статьи, написанной вами въ Греноблѣ. Могла-ли я этого ожидать?»

Хорошенькая плутовка вытащила изъ кармана статью.

— «Вотъ, вотъ,—проговорила она:—я никогда съ ней не расстаюсь. Она утѣшаетъ насъ въ трудныя минуты, она намъ придаетъ бодрость.

«Это было безъ конца! О, очаровательная артистка! Только я не настолько наивенъ, чтобы попасть въ сѣти. Тѣмъ не менѣе, сцена была такъ разыграна, что я хотѣлъ было сказать, какъ вельможа, которому лакей въ одной старой комедіи напѣваетъ комплименты:

— «Я отлично знаю, бездѣльникъ, что ты врешь. Тѣмъ не менѣе, продолжай. Это доставитъ мнѣ удовольствіе, и за это ты получишь награду».

Развѣ это не прелестно и развѣ можетъ кто-нибудь, кромѣ женщины, разыграть эту сцену? Сарсэ зналъ, что это ложъ, но она была такъ изящна и такъ льстила самолюбію, что критикъ ей невольно поддался.

VI.

Если спокойно оглянуться назадъ, то увидишь, къ сожалѣнію, не мало испыта-

ній, которымъ подвергалась твоя искренность. Начнемъ съ того, что рѣдко идешь въ театръ не съ предвзятымъ мнѣніемъ. Ставится, положимъ, пьеса любимаго автора—заранѣе предвкушаешь удовольствіе отъ представленія. Если же дается пьеса нелюбимаго автора—то заранѣе предрасполагаешь себя къ тому, что все будетъ дурно.

Играетъ актеръ съ очень громкой репутаціей, подогреваемой рекламой, настраиваешься противъ него. Бываетъ, и наоборотъ. Наконецъ, часто не желаешь сознаться въ сдѣланной разъ ошибкѣ и, когда пишешь рецензію, то невольно для себя и вполне искренно впадаешь въ софизмы; чтобы доказать вѣрность своего взгляда, призываешь на помощь діалектику и «изворачиваешься».

Литературная критика, по крайней мѣрѣ, у насъ—давно и совершенно открыто признаетъ себя «партиейной», и за грѣхъ это не считаютъ. Безъ всякаго сомнѣнія, литературную критику «Отеч. Зап.», «Русскаго Бог.» и др. нельзя не считать партиейной, т. е. предвзятою, но не назову ее неискренней. Искренность ея обуславливается чѣмъ-то лежащимъ внѣ предѣловъ даннаго произведенія, какъ художественнаго созданія. Ну, назовемъ это общественной тенденціею. И, вотъ, эта общественная тенденція, воодушевляющая критику, дѣлаетъ его искреннимъ, но въ то же время несправедливымъ и предвзятымъ.

Все дѣло, слѣдовательно, въ чистотѣ основныхъ побужденій, а не въ самой оцѣнкѣ.

Бѣда театральной критики заключается въ томъ, что, по самому свойству ея, она рѣдко воодушевляется широкими идеями, и предвзятость ея часто истекаетъ изъ мутныхъ источниковъ и личныхъ симпатій и антипатій.

Тѣмъ не менѣе, эти противорѣчія меня долго мучили. Если моя искренность, которую я считалъ верховнымъ началомъ моихъ сужденій, сама находится въ зависимости отъ вліяній и часто, быть можетъ, подчинена личнымъ и даже эгоистическимъ мотивамъ, то значитъ всѣ мои сужденія не только не приносятъ пользы, а и вредны для театра. Я искренно—какъ мнѣ кажется—лгу. Но вѣдь это все же ложъ. Если-бы я неискренно говорилъ правду,—правда все же осталась бы правдой.

Я пробовалъ бороться съ предвзятостью сужденій и собственныхъ своихъ настроеній. Напримѣръ, я ловилъ себя въ чувствахъ недоброжелательства къ актеру, актрисѣ или пьесѣ и неволилъ себя итти противъ этого чувства. Увы, изъ этого получалось мало хорошаго. Въ отзывахъ являлась принужденность, рецензіи напоминали знаменитую фазу—«съ одной стороны нельзя не сознаться, хотя съ другой нельзя не согласиться»,—и все было, въ общемъ, вяло, скучно и ненужно. И таково было впечатлѣніе читателей. Скучно? Что скучно? Выходило, какъ будто ничего нѣтъ скучнѣе,

какъ стремленіе къ правдѣ. Да и правдѣ ли это? Вотъ въ чемъ вопросъ. Пожалуй, что вовсе неправда, потому-что правда озаряетъ, а то, что я писалъ, я изъ себя клещами вытягивалъ.

И тогда мнѣ пришла въ голову самая простая мысль, почему это я себя считаю судьей? И судъ ли критика? И судья ли рецензентъ? И нѣтъ ли тутъ основного смѣшенія понятій задачъ и цѣлей?

Въ одинъ прекрасный день я рѣшилъ, что все это—расхожее и совершенно неправильное представленіе о критикѣ. Совсѣмъ я не судья. «Если «это», т. е. спектакль, театръ, рецензія и публика уподобляется «процессу», то я тутъ не судья, а только «сторона», т. е. или адвокатъ, или прокуроръ. Эта аналогія кажется мнѣ весьма справедливою. Сторона ничего не рѣшаетъ, но представляетъ со всею искрен-

ностью и силою, на которыя способны, до казательства своего мнѣнія. И точно также я, какъ рецензентъ, не призванъ судить, а лишь обязанъ высказать свое мнѣніе, свой взглядъ, въ которомъ моя личность, мое «я» болѣе значительны, чѣмъ вопросъ, подлежащій сужденію. И я... успокоился.

Вл. Линскій.

Театральная хроника.

Открытіе Лѣтнихъ театровъ.

(Обозрѣніе).

Лѣтній Буффъ.

Извѣстный постановщикъ и вообще прекрасный режиссеръ А. А. Брянскій былъ специально командированъ своимъ принципаломъ П. В. Тумпаковымъ въ далекій туманный Альбіонъ, чтобы привести изъ морской страны какую-либо диковинку.

А. А. Брянскій привезъ оттуда „Прекрасную Голландку“.

Закройщики гг. Пальмскій и Яронъ быстро обработали „Прекрасную Голландку“ на русскій ладъ; много англійскаго повикинули, но зато не пожалѣли „отсебятины“.

Почему „Прекрасная Голландка“ оперетка—никому неизвѣстно. Въ ней все есть, что хотите, но того, что даетъ намъ Оффенбахъ, тамъ нѣтъ.

Правда, впечатлѣніе получается прекрасное исключительно благодаря красивой и оригинальной постановкѣ.

Особенно красиво поставленъ третій актъ.

Теперь нѣсколько словъ объ исполнителяхъ.

Начать прежде всего приходится съ Монахова.

Этотъ актеръ съ яркими комическими дарованіями играетъ легко просто и естественно.

Типъ празношатающагося Симона Слинкса созданъ Монаховымъ удивительно выпукло; эффектенъ г. Вавичъ, но хоть бы чуточку души.

Красивый актеръ съ прекрасными голосовыми средствами, къ сожалѣнію, какъ то не умѣетъ оживить свою роль.

Г. Михайловъ, какъ всегда, съ „наклеенной мушкой“ и пытается на сценѣ быть красивымъ и изящнымъ, но Вавичъ убиваетъ его своимъ видомъ.

Правда, впрочемъ голосъ вывезетъ.

Г. Коржевскій играетъ холодно безъ души и неестественно поднятъ; г. Токарскій съ природнымъ не отдѣланнымъ талантомъ, но какая же у него роль.

Г. Полонскій очень и очень удачный Петро Гукъ.

Граціозна, легка и изящна г-жа Шува-

лова; г-жа Дмитріева застыла и ни чуть не совершенствуется.

Очень мила г-жа Сербская и недурно проводитъ свою небольшую роль г-жа Брянская,

Оперетта смотрится съ большимъ удовольствіемъ и охотно посѣщается публикой.

Новый лѣтній театръ. Е. Н. Кабановъ и Н. Я. Яковлевъ—alter ego перваго—завели у себя оперетку, но они сдѣлали это не вполне удачно. Олимпія и Буффъ. „Слишкомъ много оперетокъ“, сказалъ бы Колхасъ!..

Да къ тому же Кабанову и Яковлеву нужно было сыскать „своего“ Брянскаго. Въѣдъ не даромъ же дальновидный П. В. Тумпаковъ заключилъ контрактъ съ А. А. Брянскимъ еще на два года.

Въ Олимпіи ставятъ оперетку „Подъ золотымъ дождемъ“.

Пьеса написана гвардейскимъ офицеромъ г. Петровымъ, а поставлена бывшимъ опереточнымъ премьеромъ г. Свѣтлановымъ.

Первый дебютъ г. Свѣтланова, въ качествѣ режиссера, можно назвать почти удачнымъ.

Ежедневныя газеты уже достаточно передали читающей публикѣ о содержаніи этой пьесы, это одна изъ тѣхъ пьесъ, которыя принято называть „произведеніемъ“ заготовки г. Ярона.

Музыка г. Петрова довольно красивая и, пожалуй, оригинальная, но вліяніе Оффенбаха мѣстами все же слышится очень рѣзко.

Изъ персонажа необходимо сказать о г-жѣ Свѣтловой, которая въ роли этуали вполне на мѣстѣ; г-жа Потапчина куда слабѣе.

Комическая г-жа Легатъ очень хороша.

Г. Рутковскій старъ и тяжелъ, хотя публика за старыя заслуги и награждаетъ апплодисментами почтеннаго актера.

Г-жа Орель поетъ въ оперныхъ тонахъ.

Объ остальныхъ исполнителяхъ говорить не приходится.

Маленькіе труженики сцены старались сдѣлать все, чтобы составить прекрасный ансамбль.

Владимиръ Блохинъ.

Концертъ Люсиль Марсель.

Въ красивомъ концертномъ залѣ Шебеко на Галерной, въ субботу, 26-го апрѣля состоялся интересный концертъ артистки Маріинской Opera Comique г-жи Люсиль Марсель, привлечшій, несмотря на дорогія цѣны, довольно много избранной публики. Г-жа Марсель, молодая еще пѣвица, пѣвшая съ успѣхомъ въ Парижѣ и Берлинѣ, въ вокальномъ отношеніи ничего особенно выдающагося изъ себя не представляетъ, но зато умѣнье пѣть у артистки велико, здѣсь чувствуется вліяніе ея учителя, знаменитаго тенора Жана Решке. Удивительная филировка звука, тонкая музыкальная фразировка, пріятный тембръ красиваго драматическаго сопрано даютъ г-жѣ Марсель возможность достичь музыкальной законченности передачи и обезпечиваютъ ей на концертной эстрадѣ большой успѣхъ, который въ ея концертѣ выразился въ долго несмолкаемыхъ апплодисментахъ всего зала. Съ обычнымъ шумнымъ успѣхомъ въ концертѣ участвовали высоко даровитые скрипачъ проф. Ауэръ и артистъ Маріинскаго театра г. Давыдовъ. Г. Амичи, какъ солистъ на гитарѣ, имѣлъ также солидный успѣхъ и лишь одинъ г. Клифусъ, какъ удивительно не музыкальный пѣвецъ, портилъ общее превосходное впечатлѣніе этого интереснаго концерта.

А. Б.

ТЕАТРЪ ПАССАЖЪ.

Товариществомъ опереточныхъ артистовъ 25-го апрѣля представлена была трехъ-актная оперетта „Наши этуали“, собравшая, къ сожалѣнію, весьма немногочисленную публику. Изъ исполнителей пальму первенства слѣдуетъ отдать г. Долину, сумѣвшему изъ незначительной роли „кума пожарнаго“, создать живое лицо, вложившему въ свое исполненіе много неподдѣльнаго юмора и веселья. Очень весело провелъ свою роль г. Ростовцевъ.

Миловидная г-жа Антонова граціозно исполнила модный танецъ „Кинъ-Кинъ“; г-жа Тонская попрежнему распѣваетъ скабрезную пѣсенку „Есть братишка у него“, вызывая хлопки развязностью своихъ жестовъ и двусмысленностью принимаемыхъ ею позъ.

М. К—скій.

24-й семейно-художественный вечер прошел при большом стечении публики, среди которой обращали на себя внимание лица из свиты шведского короля. Выдающийся успех выпал на долю артиста Маринского театра г. Лосева, исполнившего целый ряд редко исполняемых произведений Рёккунова, Калининкова, Черепнина и Титова, приятно лаская слух удивительной музыкальностью передачи. С хорошим успехом выступили г-жа Орель, Риза Нордстрем и Розенблюм, исполнившие много оперных арий и романсов разных композиторов, а также известный концертный певец г. Кедров, спевший несколько романсов Кюи и Чайковского. Из инструментальных солистов выдающийся успех выпал на долю пианистов г-г. Вильбушевича и Ленсен, блестяще сыгравших красивую сюиту для двух роялей Аренского. С успехом играл также г. Заславский, исполнивший на скрипке сонату Грича, а в заключение много смшил публику талантливый рассказчик г. Степанов.

Строительно-художественная выставка.

С 15-го мая на берегах Б. Невки обществом гражданских инженеров открывается выставка строительных искусств.

На выставке будет отведено много места развлечениям: строятся два театра, симфонический оркестр графа Шереметьева, под управлением М. В. Владимірова и еще два оркестра.

Обращает на себя внимание в настоящее время уже законченная эстокада, протянувшаяся вдоль берега Новой деревни на полверсты: над этим грандиозным сооружением работало свыше 500 человек больше 2-х месяцев.

Посреди эстокады помещается небольшое изящное кафе с балкончиками, откуда открывается чудный вид на Елагин Остров и убгающую под Елагин мост речку и на Каменный остров с ажурными ограждениями для выставочных помещений.

На Каменном острове под наблюдением инженера г. Алексеева строится концертный зал на 1500 мест; рядом заканчивается павильон министерства торговли и промышленности.

На выставке будет функционировать известный театр „Уранія“, в котором, главным образом, даются представления художественно-просветительного содержания.

Для сообщения с берегами „территории“ выставки будет рейсировать громадная флотилия паровых катеров и моторных лодок.

Цирк Чинизелли.

Выдающийся номер представляют из себя воздушные гимнасты трио Огло. Все свои головокружительные упражнения артисты продвигают на трапеции, которую держит одна из гимнасток зубами. Красивое зрелище представляет из себя воздушное искусство в исполнении шести наездников.

Новая пантомима „Ленивый Ганс“ рассчитана, главным образом, на детские вкусы и поставлена очень красиво. Эффектные костюмы и танцы увеличивают интерес пантомимы.

Завсегдатый.

— Автор пьесы „Свободная любовь“,шедшей 20 с. апреля в театр „Комедия“, Николай Чериков просит нас сообщить:

Во время исполнения пьесы, произошла досадная ошибка: благодаря случайной перестановке нескольких слов в монолог на политическую тему одного из действующих лиц (Кератова во 2-м акте), вся речка получила оттенок совершенно противоположный приданному автором, что вызвало справедливое недоумение у зрителей,

А. А. БРЯНСКИЙ.
(К открытию Лѣтняго Буффа).

— Режиссер театра „Лѣтній Буфф“ А. А. Брянский, в беседе с одним из наших сотрудников, сообщил, что слухи о том, что он снял „Эрмитаж“, неверны уже по тому одному, что он заключил контракт с П. В. Тумпаковым в качестве режиссера на два года.

— Артистка Маринского театра г-жа Антарова выступила с громадным успехом в московском Большом театре, куда перевелась с будущей зимы.

Спѣтая ею партія Ратмира и Вани из оперы Глинки вызвали давно невиданные восторги москвичей по отношению к служителям сцены, печать единодушно отменила выдающиеся качества молодой пѣвицы.

— Опереточная артистка г-жа Пюнтковская сильно больна и ее появление на сцене театра „Олимпія“, куда она приглашена, надо полагать, не скоро состоится.

— Оркестр для Ялты составляет в нынешнем сезоне московское бюро оркестровых дѣятелей, дирижировать будут Эйхенвальд и Шмукловский.

— Автор оперетки „Жизнь человека“ Л. Гебен написал комедию „Ловушка“, в которой одна из героинь пьесы должна протанцевать а la Айседора—Дункан—босикомъ.

Комедия пойдет на сцене одного из лѣтних театровъ.

— Опереточная артистка г-жа Дальская сняла вмѣстѣ с артистом Ракитиным театры на ст. „Сиверской“ под драму и оперетку.

— Оперная артистка г-жа Юдина организовывает „летучий“ оперный состав из молодых сил для представлений в Павловскѣ, Сестрорѣцкѣ и других дачных мѣстахъ.

Чудеса в рѣшетѣ.

* * *

Корова, корова мычала, мычала,
Но ей надоѣло, она закричала:

— Ярило, Ярило!..

Отколь ни возмись поэтъ злато-
рунный...

Померкнуло солнце, погасло в под-
лунной

— Безликое рыло...

Парнасъ небожителямъ вывихнулъ
ногу,

Хромая сова пересѣкла дорогу:

— Орала, орала...

А Гиппиусъ слезно любви просила
И чернаго жука къ себѣ подманила,

— Такого нахала!..

Ржалъ смѣхомъ безстыднымъ Кузь-
минъ отъ Эраста

Въ казармахъ Парнаса „творилась“
икота:

— Пьянѣло, пьянѣло...

Во образѣ дѣвы явился Глаголинъ,
Кастрировалъ мальчика старецъ Су-
воринъ

— На правое дѣло...

Изъ Франціи дѣву святую дѣтина
Исполнить съ талантомъ—такой мо-
лодчина!

— О, диво! О, диво!

Ворона реветъ по медвѣжьѣ, медвѣди
Щебечутъ сорокой: Миледи! Ми-
леди!..

— И брага, и пиво...

Запрятался чортъ в рѣшетѣ изъ
гороха,

Кудластый, в костюмѣ шута, ско-
мороха,

— Гогочетъ, гогочетъ...

На пѣгой кобылѣ весна достигла...
Глаголина Жанна д'Аркъ вдохновила.

— Хохочетъ, хохочетъ!..

Ершъ.

Варшава. Мнѣ очень хотѣлось подѣлиться съ читателями впечатлѣніемъ отъ новой пьесы С. Пржибышевскаго „Обѣты“, поставленной недавно г. Заклевскимъ въ Драматическомъ театрѣ. Вотъ странная пьеса. Вотъ странный писатель, которому когда-то, нѣсколько лѣтъ, поляки устраивали огромные триумфы, вѣнчали его, награждали чудными эпитетами и восклицали на лентахъ „Ессе Номо“.

Его „Обѣты“—символическая вещь на психопатической подкладкѣ. С. Пржибышевскій придумалъ новую теорію любви, заключающуюся въ слѣдующемъ. Героиню Клару любилъ кноша Людвигъ, но она любила Сигизмунда и вышла за послѣдняго замужъ. Любя Сигизмунда, ее преслѣдовала отвергнутая ею любовь Людвигъ и она отъ этого страдала. Точно ее связали путы и мѣшали ей наслаждаться любовью мужа. Людвигъ вскорѣ умираетъ, о чемъ извѣщаетъ любящихъ супруговъ его братъ Кржицкій. но и это не успокаиваетъ Клару. Любовь мертвеца ее преслѣдуетъ еще сильнѣе. И только послѣ того, какъ ея мужъ устраиваетъ въ горахъ смерть брата Кржицкаго—онъ сваливается въ пропасть.—Клара чувствуетъ себя освобожденной отъ путъ любви Людвигъ и не только уже любитъ, но даже обожаетъ своего героя-мужа. Мысль пьесы: чтобы быть счастливой, недостаточно любить, нужно, чтобы ее никто не любилъ, кромѣ одного, иначе другая любовь отравитъ ея счастье съ любимымъ человѣкомъ. И эта тема, такая скучная, растянутая, дикая по мысли тянется на протяжении 3-хъ актовъ, утомляя и артистовъ, и зрителей. Играли пьесу также скучно, тягуче и безъ подъема. Если кто заслуживалъ вниманія изъ исполнителей, то это одинъ Брыдзинскій, выдержавшій роль полубольного Кржицкаго на рѣдкость, зараженного той же *idée fixe*, что и Клара...

Мнѣ кажется, что врядъ ли эта послѣдняя пьеса любимого польскаго автора-драматурга будетъ пользоваться тѣмъ успѣхомъ, какимъ пользовались его предыдущія драматическія произведенія.

Русскій.

СРЕДИ АРТИСТОВЪ.

Харьковъ. „Петербургской Феей Николаевой“ вопросъ объ „одинокихъ“ нашелъ въ Харьковѣ большое сочувствіе. Прежде всего, за эту идею ухватились учащіеся высшихъ учебныхъ заведеній, а потомъ и другіе.

Среди учащихся былъ организованъ кружокъ, съ цѣлью бороться съ одиночествомъ и со всевозможными буржуазными предрассудками. Были сдѣланы даже попытки легализовать этотъ кружокъ, но пока безрезультатно.

Въ настоящее же время эта идея нашла сочувствующихъ и среди артистовъ, посѣ-

щающихъ театральное агентство подъ фирмою „Театральный Посредникъ“. Артисты имѣютъ въ виду въ скоромъ будущемъ устроить клубъ подъ названіемъ „Клубъ свободныхъ профессій“. Во главѣ этого предприятия находится завѣдующій конторой драматическій актеръ Арбенинъ.

Клубъ предполагается устроить такого рода, чтобы онъ служилъ, главнымъ образомъ, умственному развитію своихъ членовъ. Для этой цѣли предполагается организовать отдѣльныя секціи, которыя будутъ заниматься изученіемъ научныхъ дисциплинъ, а для интересующихся искусствомъ—секціи музыки, живописи, декламации и т. д.

Членамъ клуба будетъ дана возможность принимать непосредственное участіе въ дѣятельности интересующихъ ихъ секцій.

Членскіе взносы клуба будутъ доведены до минимума, а несостоятельные члены будутъ освобождены отъ всякаго членскаго взноса.

Опереточная труппа Ливскаго закончила здѣсь спектакли 21 апрѣля. Изъ поставленныхъ оперетокъ наибольшій успѣхъ имѣла „Ночь Любви“, дававшая по 900 р. Остальныя—по 750 р. У публики артисты пользовались довольно скромнымъ успѣхомъ. Отсюда труппа выѣхала въ Воронежъ, а затѣмъ въ Крымъ.

Гастроли Чириковской „Колдуньи“ сдѣлали на кругъ по 1220 руб. Самъ Чириковъ и исполнители пьесъ были предметомъ самого лестнаго вниманія со стороны публики.

Изъ Харькова труппа выѣхала въ Екатеринославъ и Ростовъ.

Въ Маломъ театрѣ закончила гастроли труппа г. г. Мейерхольда и Унгернъ. Стилизованная постановка драматическихъ произведеній понравилась очень немногимъ. Взято на кругъ 400 р.

Сюда ожидается пріѣздъ М. Г. Савиной.

С. М. Колосовскій сформировалъ драматическую труппу и выѣзжаетъ на лѣтній сезонъ въ Мариуполь. Составъ труппы: г-жи Галицкая, Доминская, Красова, Кудрина, Ланина, Муравьева, Сергѣева, Лѣсная, Эвелина; г.г. Колосовскій, Арбенинъ, Надеждинъ, Ланинъ, Смирновъ, Ушаковъ, Сергѣевъ, Мурскій, Патрицкій, Ячменевъ. Режисеръ Арбенинъ.

Рейнгольдъ.

Псковъ. Репертуаръ второй недѣли псковской театральной жизни былъ слѣдующій: 20-го апрѣля шла пьеса „Генеральша Матрена“—соч. В. Крылова и Н. Северина, 23-го апрѣля—„Преступленіе и наказаніе“—передѣлка Дельера и 25-го апрѣля „Дѣти Ванюшина“ соч. С. Найденова.

Первую пьесу репертуара, въ виду ея шаблоннаго исполненія, я обойду молчаніемъ и перейду прямо ко второй.

Пьеса „Преступленіе и наказаніе“, какъ гласили афиши, была поставлена товариществомъ для перваго выхода артиста Импер. театровъ К. Н. Яковлева. Насколько вѣрны слухи (у представительства товарищества я не провѣрялъ ихъ), Яковлевъ съ 23 апрѣля вступилъ въ труппу лѣтняго театра и будетъ играть въ ней цѣлый сезонъ.

Въ „Преступленіи и наказаніи“ К. Н. Яковлевъ выступилъ въ роли пристава слѣдственныхъ дѣлъ Порфирія Петровича, которая ему вполне удалась. Простота и вѣрность передачи этой роли, лишенная всякихъ ненужныхъ фигурностей и ломаній, (въ чемъ иногда погрѣшны другіе исполнители) положительно очаровали собравшуюся на этотъ спектакль публику.

Я могу съ увѣренностью сказать, что успѣхъ этого виднаго артиста въ нынѣшнемъ лѣтнемъ сезонѣ безспорно обезпеченъ.

Изъ исполнителей этой пьесы укажу еще на г. Діевского, игравшаго Раскольникова. Крайне трудную по своей структурѣ роль Раскольникова г. Діевскій провель довольно удачно. Мѣстами онъ былъ даже очень хорошъ, мѣстами же впечатлѣніе отъ его игры портилось тѣмъ, что онъ чрезмѣрно злоупотреблялъ мимикой.

Интересенъ былъ также г. Листовъ въ роли Разумихина. Изъ женскаго персонала выдѣлились Манѣвцова (мать Раскольникова) и Медвѣдева (Соня Мармеладова).

Перехожу теперь къ третьей и послѣдней пьесѣ. Какъ я уже указалъ въ началѣ замѣтки, 25-го апрѣля шла драма С. Найденова „Дѣти Ванюшина“. Врядъ ли кому неизвѣстно содержаніе этой прекрасной пьесы, облетѣвшей, вѣроятно, даже самые глухіе уголки нашей широкораскинувшейся родины. У кого не сжималось болѣзненно сердце, присутствуя въ театрѣ и глядя на изображенную въ этой пьесѣ картину полнѣйшаго семейнаго разлада, причина котораго—самъ отецъ семейства Ванюшинъ, человѣкъ съ грубой мѣщанской душой, чело-вѣкъ, внушающій къ себѣ со стороны окружающихъ родственниковъ одинъ лишь рабскій страхъ. Печальная пѣснь поется въ этой пьесѣ, но еще печальнѣе ея конецъ,—это самоубійство старика Ванюшина, который не въ силахъ былъ перенести всего того, что неизбежно должно было случиться въ его домѣ и, наконецъ, случилось, какъ результатъ его же грубаго, дикаго режима.

Исполненіе артистами этой пьесы мнѣ очень понравилось,—впечатлѣніе отъ нея получилось вполне цѣльное и законченное. Роль старика Ванюшина была передана г-омъ Яковлевымъ безподобно. Псковской публикѣ пришлось еще разъ убѣдиться въ его рѣдкомъ талантѣ и умѣнии его душой и тѣломъ входить въ ту роль, которую онъ исполняетъ.

Реально играли Шмитгофъ (Константинъ)

и Діевскій (Алексѣй). Хорошо выглядѣла на сценѣ и недурно провела свою небольшую роль г-жа Полевицкая (Елена).

Остальные исполнители, (за исключеніемъ одного только г. Чернышева), не портили дѣла,—играли гладко и дружно. Игра Чернышева была внѣ всякой критики. Удивляюсь, какъ это режиссеръ (г. Діевскій) не могъ втолковать г. Чернышеву, что играть „человѣка на веселѣ“ это не значитъ изображать изъ себя балаганнаго шута. Чернышевъ игралъ Красавина.

В. Р.

Ярославль. У насъ есть кружокъ любителей драматическаго искусства,—положимъ,—гдѣ теперь нѣтъ на Руси нѣчто подобнаго? Первое время, пока не нашлось умнаго и талантливаго руководителя-режиссера, кружокъ пробавлялся дешевымъ репертуаромъ фарсовъ Мясницкаго, заигранныхъ пьесъ Шпажинскаго, Виктора Крылова и имъ подобныхъ драматурговъ. Любители поигрывали, а мы снисходительно посматривали. Но, вотъ, во главѣ кружка сталъ артистъ Мухинъ и изъ дѣтской забавы скучающихъ любителей создалось сразу что-то прочное, солидное, не мальчишеское.

Сначала было даже страшно читать афишу. Кружокъ ставитъ „Вишневый садъ“ Чехова... Ого!.. Въ тихомолку посмѣивались и жалѣли автора, негодовали на любителей или, вѣрнѣе, „губителей“.

Спектакль сошелъ прилично. Просто не вѣрилось. Обстановочная пьеса Гауптмана „Потонувшій колоколъ“. Опять улыбка полуироническая и опять пьеса сошла въ кружкѣ благополучно.

Послѣ уже не удивлялись ни постановкамъ пьесъ М. Горькаго, Ев. Чирикова и др., и кружокъ сразу уже занялъ вниманіе общества. Спектакли посѣщались усердно.

Кто же создалъ успѣхъ кружку?

Только г. режиссеръ Мухинъ, чуткій артистъ, талантливый режиссеръ, которому дорого искусство...

И съ тѣхъ поръ кружокъ любителей все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ взоры тѣхъ, кому цѣнно истинное искусство.

На дняхъ предстоитъ бенефисъ г. Мухина, который выбралъ для своихъ именинъ пьесу М. Горькаго „На днѣ“ и, надо полагать, что этотъ бенефисъ будетъ праздникомъ всего кружка, гдѣ онъ неутомимо работалъ, чтобы изъ кружка,—какъ дѣтской забавы,—создать серьезную труппу изъ любителей и приучить публику смотрѣть на кружокъ, какъ на театр-школу.

Не кружковецъ.

Ростовъ на Дону. Лѣтній сезонъ у насъ начался спектаклями драматической труппы С. И. Крылова въ машининскомъ театрѣ и подновленной нѣкоторыми новыми силами опереттой въ ростовскомъ театрѣ—антреприза того же С. И. Крылова. Драма, какъ можно судить по первымъ спектаклямъ, не блещетъ солидными силами. Впрочемъ, это

общій недостатокъ всѣхъ лѣтнихъ антрепризъ, гоняющихся за дешевыми посредственностями, въ виду замиранія въ городахъ жизни во время лѣта.

Что касается оперетты, то послѣдняя пополнена нѣкоторыми новыми силами, между прочимъ, на нѣсколько гастролей приглашенъ былъ изъ Петербурга Монаховъ, выступившій въ роли Леонида въ „Свѣтлячкахъ“. Балетная часть, съ отсутствіемъ балерины Бауэрсаксъ, много потеряла по сравненію съ прежнимъ балетомъ. Оркестръ тоже не сѣигрался.

Успѣхъ оперетты, если судить по первымъ сборамъ, обезпеченъ матеріально, чего нельзя сказать о драмѣ, которая пустовала отъ зрителей даже въ праздничныя постановки.

Случайный.

Гельсингфорсъ. Малорусскіе спектакли украинской труппы О. З. Суслова пользуются большимъ расположеніемъ нашей публики, и всѣ праздничные спектакли прошли въ матеріальномъ отношеніи прекрасно, не говоря про внѣшніе атрибуты бурно проявлявшихся восторговъ публики по отношенію къ художественной игрѣ такихъ артистовъ, какъ Зарницкая, Чарновская, Сусловъ, Манько и др. Я не пишу подробно, потому что петербуржцы еще остались подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ этой труппы, игравшей полсезона въ Петербургѣ и оттуда перекочевавшей къ намъ.

И здѣсь они встрѣтили радушный пріемъ, соединенный кромѣ того и съ матеріальнымъ благополучіемъ. Репертуаръ тотъ же, что и въ Петербургѣ.

Очень интересуемся перелицованнымъ „Ревизоромъ“ Гоголя.

Старый.

Житомиръ. 25 марта, послѣ значительнаго перерыва, въ мѣстномъ городскомъ театрѣ вновь начались спектакли драматическаго товарищества подъ управленіемъ Б. Путята. Для открытія спектаклей была поставлена „Карьера Наблѣцкаго“ Бярятинскаго. Пьеса неоднократно шла у насъ и причина, почему именно въ первую голову поставили эту пьесу, заключается въ желаніи труппы сразу показать публикѣ свои силы. А силы дѣйствительно солидныя... Можно сказать, что такой интересной труппы житомирцы давно не видали. Разыграна пьеса была съ хорошимъ ансамблемъ. Безусловно интереснымъ былъ Наблѣцкимъ г. Путята, своей умной осмысленной игрой давшій живой и яркій типъ петербургскаго чиновника, дѣлающаго карьеру. Превосходной Еленой была г-жа Лядова, мастерски проведшая свою роль. Артистка безусловно съ незауряднымъ дарованіемъ. Хорошимъ Варягинымъ былъ г. Успенскій. Недурной Толызинъ г. Сумароковъ. Остальные артисты были вполне на своихъ мѣстахъ.

Артисты, особенно г. Путята и г-жа Лядова имѣли шумный и вполне заслуженный успѣхъ. Къ сожалѣнію, публики собралось

немного. Но это легко объясняется тѣмъ, что въ тотъ же вечеръ былъ устроенъ вечеръ, посвященный памяти Шевченки и много другихъ развлеченій. Труппа пробудетъ до 27 апрѣля, а если будутъ дѣла, то и весь май.

Глѣбовъ.

Проскуровъ. Театральное затишье въ нашемъ городѣ наконецъ нарушено пріѣздомъ русской драматической труппы артиста „С.-Петербургскаго Новаго театра“ Глѣба Павловича Ростова. Составъ труппы: г-жи Я. И. Волловичъ (grand-кокетт.), А. И. Верховская (2-я роли), Л. П. Картышева (героиня), Э. В. Ларина (2-я и 3-и роли), Е. К. Пальмина (инженю-драматикъ), Ф. А. Побѣдова (комическая старуха), М. А. Тайга (2-я и 3-и роли), М. М. Хвалынская (grand-damme и драматическая старуха), М. М. Холмская (инженю-драматикъ); гг. М. А. Баровскій (2-я роли), С. П. Браневскій—артистъ Императорскихъ театровъ (комикъ и характерныя роли), А. Н. Вельскій (любовникъ-неврастеникъ), Д. Я. Голубинскій (бытовой простакъ), В. А. Любичъ (2-я и 3-и роли), И. И. Маркевичъ (художникъ-декораторъ), А. М. Налъскій (фатъ-резонеръ и любовникъ-фатъ), Н. Г. Пальминъ (помощникъ режиссера), Г. П. Ростовъ (любовникъ-герой и характерныя роли), П. Д. Соколовъ (комикъ и комикъ-резонеръ), Н. И. Тихановъ (салонный резонеръ) и М. А. Шумиловъ (герой-резонеръ). Главный режиссеръ Г. Н. Ростовъ, режиссеръ С. П. Браневскій, очередной режиссеръ М. А. Шумиловъ.

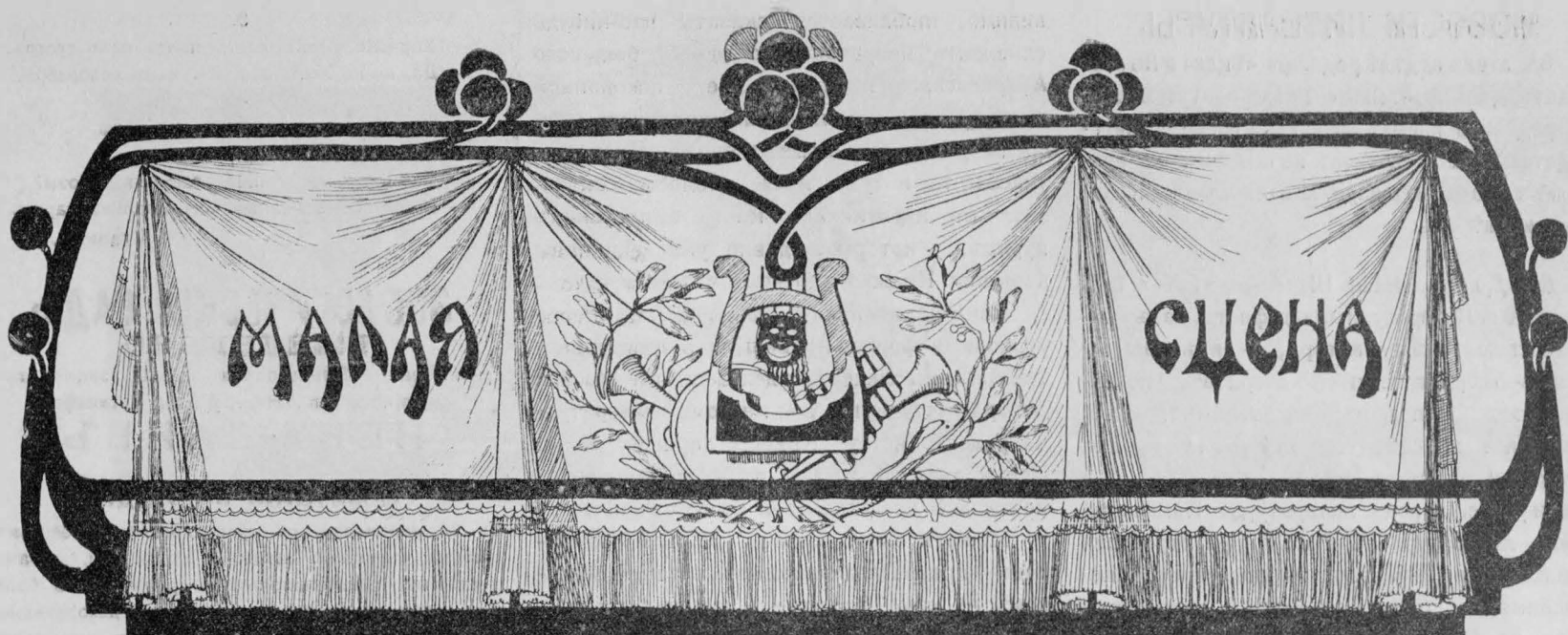
Е. К.—меръ.

Могилевъ-губернскій. Нашему городу буквально не везетъ. Онъ никакъ не можетъ обзавестись лѣтнимъ театромъ. Сколько не находилось предпринимателей выстроить таковой на такъ наз. „Валу“ (центральный садъ, любимый публикой), городская управа не разрѣшала. Теперь имѣется намѣреніе возвести лѣтнее зданіе театра, но почти за городомъ и то лишь тогда, когда въ городѣ будетъ электрическій трамвай, а это вопросъ очень далекаго будущаго. Такимъ образомъ публикѣ остается для лѣтнихъ развлеченій „Валь“ съ музыкой и рестраномъ—безъ крѣпкихъ напитковъ, т. е. мѣстная администрація заботится о насажденіи трезвости и потому считаетъ зломъ продажу водки въ общественномъ мѣстѣ.

Нар. театръ о-ва трезвости переходитъ въ руки города. Что же касается городского театра, то контрактъ съ Е. А. Бѣляевымъ еще не подписанъ, хотя въ печати появилось сообщеніе о подписаніи такового.

Азъ.

— Л Ю Б О Ч К А. —

Все тѣло Любочки ныло отъ острой сжимающей боли...

Она зарыла свою голову въ подушки и тихо стонала, дрожащая, обиженная, все еще находясь во власти недавняго стыда, опозоренная прикосновениемъ къ ея нѣжному молодому тѣлу толстой ременной плети.

— Били, какъ скотину!.. Какъ лошадь! Проносились въ ея головѣ ужасы мучительной пытки. Только за то, что она пришла съ панели одна, безъ гостя!.. Чѣмъ она виновата, что ни одинъ мужчина не пошелъ съ ней дѣлить любовь?

Она ходила нѣсколько часовъ по панели, улыбалась, останавливалась у витринъ, но мужчины проходили мимо и она возвращалась домой одна...

Толстая, откормленная на убой, оплывшая жиромъ и саломъ, хозяйка Любочки встрѣтила ее на лѣстницѣ грубой мужицкой бранью.

— Ахъ ты, шлюха несчастная! Ахъ ты, погань эдакая!..

Любочка попробовала оправдаться, но хозяйка сильно ударила ее по лицу кулакомъ, потомъ схватила ее за рукавъ и, дергая изъ стороны въ сторону, вцѣпилась въ нее обѣими руками...

— Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ!

Любочка не защищалась. Она покорно принимала удары хозяйской руки, повторяя чуть слышно.

— За что?..

— А! Ты не знаешь? Ты не знаешь? Разорить меня хочешь? Пустить по міру?

Она втащила Любочку въ квартиру и, плотно закрывъ двери, толкнула ее въ темную комнату.

— Раздѣвайся, тварь!.. Все снимай съ себя, все!.. До нага!.. Слышишь?.. Ага!.. Хорошо...

Лоснящееся масломъ лицо хозяйки, предвкушая сладострастіе обнаженнаго тѣла, расплылось въ зловѣщую дьявольскую улыбку палача,—жестокаго, не знающаго границъ своему извращенному чувству.

Въ ней просыпался кровожадный звѣрь, готовый растерзать это молодое трепещущее отъ страха тѣло, полуобнаженное, прикрытое тоненькой нижней сорочкой...

Любочка помнитъ лишь тотъ моментъ, какъ въ тѣло ея впилося что-то длинное, скребущее, какъ желѣзные когти и болѣзненно распространилось по всему тѣлу, причиняя невыразимое страданіе.

Она вскрикнула...

Ременная плетъ рѣзала ея тѣло все сильнѣе, все хлеще, оставляя красныя полосы; изъ нѣкоторыхъ брызнула кровь, другія вздулись, принимая синій оттѣнокъ.

Все чаще и чаще свистѣла плетъ, плотно врѣзаясь въ упругое молодое тѣло Любочки. «Разъ! Два!» Разъ! Два!»

Любочка не плакала больше, не кричала...

Острота первой мучительной боли атрофировалась. Ее замѣнилъ пылающій жаръ. такой огненный, жгучій, похожій на тифозную температуру, когда больной, не чувствуя физическихъ страданій, впадаетъ въ безпамятство, мечется по постели и дѣлается сумасшедшимъ.

Любочка не помнитъ,—сама ли она бросилась въ постель, или ее уложила служанка Дуняша.

И когда она проснулась подъ утро, ей

было стыдно и хотѣлось умереть, на зло своей мучительницѣ, которой она задолжала за столъ и квартиру и за тѣ костюмы, которые она надѣвала вечеромъ, когда выходила на свой тяжелый промыселъ...

— Собачья жизнь! Умереть! Умереть!..

А тѣло ныло отъ нанесенныхъ побоевъ...

Синія полосы образовали сплошной кровоподтекъ...

Любочка стонала...

Рядомъ на кухнѣ копошилась служанка Дуняша...

Прошла хозяйка...

— Что, Любка?

— Спать еще!—отвѣтила служанка.

— Стерва эдакая!.. Будетъ долго помнить сегодняшнюю ночь... Ихъ только распадавъ, на шею сядутъ... Ни въ жизнь не повѣрю, чтобы такую кралю оставили безъ вниманія мужчины.

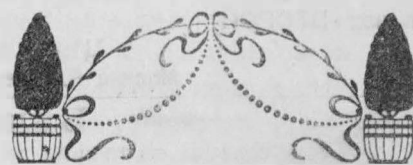
— Молоденькая еще!—сказала Дуняша, какъ бы въ оправданіе Любочки.

Любочка еще глубже зарыла свою голову въ подушки и притворилась спящей...

Черезъ окна доносился стукъ проѣзжающихъ экипажей...

Столица просыпалась отъ ужасовъ и безумія короткой ночи...

Матвѣй Безымянный.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ этомъ отдѣлѣ редація «Сцена и Жизнь» будетъ давать отзывы о всѣхъ поступающихъ въ редакцію новыхъ книгахъ и просить книгоиздательства и авторовъ не отказать въ присылкѣ выходящихъ изданій какъ въ столицахъ, такъ и внѣ ихъ.

Д. А. Деворъ. «Наши Шекспировъ и Гете». СПб. Цѣна 60 к. Литературный памфлетъ, какъ называлъ свою книжку авторъ, — рядъ обличительно-юмористическихъ очерковъ, посвященныхъ „молодымъ писателямъ“, — мало содержитъ въ себѣ того яду и злой ироніи, которыми характеризуется этотъ особый и специфическій родъ литературы. Памфлетистская литература въ Россіи, при строгости нашихъ цензурныхъ и иныхъ условий, немислима въ томъ чистомъ ея видѣ, какъ напр. во Франціи и Англіи, гдѣ памфлетъ имѣлъ и имѣетъ до сего времени огромное вліяніе, въ особенности — памфлетъ политическій. У насъ, если помнятъ читатели, въ дни свободы появился ѣдкій памфлетъ на графа Витте, принадлежащій перу А. Амфиатрова и этотъ памфлетъ былъ единственнымъ, если угодно, классическимъ образцомъ русскаго памфлета...

Литературный памфлетъ Д. А. Девора — легкій, съ примѣсю снисходительнаго юмора и — только.

Авторъ долго останавливается на „Жизни человека“ Л. Андреева, шутить, острить, дѣлаетъ перифразъ его пьесы для дѣтей и,

видимо, побаивается сказать что-нибудь слишкомъ непріятное по адресу большого Андреевскаго таланта и о его похоронной пьесѣ. Болѣе развязно онъ чувствуетъ себя среди „мелкотравчатыхъ“ писателей и критиковъ, но и тутъ нѣтъ смѣлости сокола, хотя въ курятникахъ много было такихъ курицъ, у которыхъ давно уже общипаны перышки. Книжка, впрочемъ, читается легко...

Какъ написанная съ тенденціей высмѣять уродливыя формы новѣйшаго литературнаго теченія: символическаго декадентства. книжка Девора уступаетъ во многомъ литературному достоинству „Кривого зеркала“ А. А. Измайлова, гдѣ весьма рельефно вышучены почти всѣ представители этого теченія.

Можетъ быть, потому, что А. А. Измайловъ — прекрасный пародистъ, владѣющій стихомъ не хуже любого изъ модернистовъ.

А Деворъ въ своемъ памфлетѣ избѣгалъ декадентскаго парнаса, на вершинахъ котораго царствуютъ Ивановы. Гиппиусъ, и проч., и проч., имена коихъ ты, Господи, всѣи...

МАЛЕНЬКІЕ ДІАЛОГИ.

1.

— Вы слышали? Старикъ Суворинъ купилъ „Рѣчь“!..

— Да, что вы?! За сколько-же?

— Да за... пять копѣекъ у газетчика.

2.

— Люси исполнила свою программу и сейчасъ будетъ съ нами.

— О, нѣтъ ея программа только начнется, „Монополь“, „паровыя циплята“ etc.

3.
— Хорошій у тебя гость: пьетъ какъ гусарь.
— Да, но по счету платить какъ репортеръ.
4.
— Какъ рѣдко я вижу вашего мужа.
— Онъ видите очень, очень занятъ.
— Что же у него теперь частныя работы?
— Нѣтъ общественныя: онъ крапитъ карты.

Старикъ.

ЗООЛОГИЧЕСКІЙ САДЪ ЕЖЕДНЕВНО

грандіозная обстановочная феерія знаменитаго
англійскаго писателя **Джона Ратклифа:**

НЕНА-САИБЪ ИЛИ

Возетаніе въ Индіи

Въ 15 картинахъ, съ грандіознымъ апофеозомъ, лѣніемъ, танцами, живыми картинами, хорами, шествіями, превращеніями и грандіознымъ балетомъ, при роскошной феерической декоративной обстановкѣ. Составилъ и поставилъ на сцену режиссеръ **Сергій Трефиловъ.**

По средамъ и пятницамъ въ 4 часа, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ 3½ часа дня — дѣтская феерія:

Фея покровительница и ложный принцъ.

Цѣны мѣстамъ: ложи бель-этажа на 4 перс. — 6 р., купонъ 1 р. 50 к. Ложи на 4 перс. — 5 р. 40 к., стулья первыхъ 3-хъ рядовъ 1 р. 50 к., остальные ряды по 1 р., 1-е мѣсто — 50 к., 2-е мѣсто — 35 коп. Плата за входъ 32 к., дѣти до 10 лѣтъ и нижніе чины — 17 к., по воскресеньямъ плата за входъ 22 к. и 12 коп., послѣ 6 час. 32 коп. и 17 коп.

Управляющій садомъ **Г. Т. Санфандъ.**

Дирекція **Н. Н. Баумвальдтъ и О. Л. Гольтцъ.**

Редакторъ-Издатель **В. Г. БЛОХИНЪ.**

ОЪЯВЛЕНІЯ.

Вниманію Гг. Артистовъ и Антрепренеровъ.

Центральное Правленіе Всероссийскаго Союза сценическихъ дѣятелей доводитъ до свѣдѣнія, что имъ расширяется справочный отдѣлъ и организуется посредничество между спросомъ и предложеніемъ всѣхъ отраслей сценическаго труда. Желающіе благоволятъ присылать свои адреса съ условіями предложенія. На отвѣтъ прилагается марка.

Продается кинематографъ (аппаратъ),

соединенный съ волшебнымъ фонаремъ; освѣщается электричествомъ. Цѣна по соглаш. Фонтанка, уг. Невскаго, № 29, во дворѣ на право, перв. подъѣздъ, кв. № 29. Отъ 10 ч. до 6 ч. веч.

● ● ПУБЛИКАЦІИ ВСЯКАГО РОДА и ВИДА ● ●

(плакаты, афиши, вывѣски, рекламы и т. п. объявленія)

НА ЗАБОРЪ

вокругъ строящагося памятника

На Знаменской площади,

а также по всему Петербургу.

НА ЗАБОРАХЪ перестраиваемыхъ мостовъ: Полицейскаго, Поцѣлуева, Пантелеймоновскаго, Аларчина, Сампсоніевскаго, Баннаго (на Офицерской ул.), Мало-Калинкина, Старо-Калинкина, Ново-Московского и друг., а также на ГАЗЕТНЫХЪ КІОСКАХЪ и АФИШНЫХЪ КОЛОННАХЪ принимаются исключительно въ главной конторѣ

В. А. ПТАШНИКОВА.

Почтамская 10, телефонъ № 16-92. Тамъ же принимаются всякія объявленія на всѣ станціи Приморско-Сестрорѣцкой ж. д. въ вагонахъ ея и въ курортѣ.

Театральный Календарь-Ежегодникъ

Справочная и записная книжка сценическихъ дѣятелей и театраловъ съ приложеніемъ „ЕЖЕДНЕВНИКА“

(Годъ изд. ВТОРОЙ).

Составилъ артистъ **А. С. КОШЕВЪРОВЪ.**

(Годъ изд. ВТОРОЙ).

ЦѢНА въ коленкоромъ переплетѣ съ резиной и карандашемъ 1 рубль

Москва Б. Молчановка, Криво-Никольскій пер. д. Обтяжниковыхъ, кв. 4. А. Кошевѣрову.

Бѣлостокскій лѣтній театр „РОСКОШЬ“

сдается въ теченіе лѣтняго сезона съ полной обстановкой сцены. Сборъ доходитъ до 1000 рублей.

Зданіе театра находится въ прекрасномъ паркѣ, гдѣ имѣется большая открытая сцена для разнохарактерныхъ труппъ, а также первоклассный ресторанъ. Сообщеніе на трамваѣ.

Съ предложеніями и за справками обращаться въ гор. Бѣлостокъ, Ченстоховская ул. г. М. Гурвичъ.